

18+

Мемуары Шпионской Юности

Вячеслав
Гуревич

Вячеслав Гуревич

Мемуары шпионской юности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66554312

ISBN 9785005545787

Аннотация

Леонид работает на ЦРУ. Аня работает в советском посольстве. Он ее вербует – или это она его вербует? Короче, они друг друга вербуют. И влюбляются. Молодые же! Добром такое не кончится, особенно когда Леня нечаянно затягивает резидента КГБ в когти Сатаны. Данная книга – это беллетристика, а не пропаганда наркотиков-алкоголя-сигарет (НАС). Она содержит сцены незаконных актов, но это художественный вымысел, а не призыв нарушать закон. Автор осуждает НАС. Если у вас проблемы, обратитесь к врачу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

МЕМУАРЫ ШПИОНСКОЙ ЮНОСТИ	6
ONE	7
TWO	12
THREE	16
FOUR	20
FIVE	27
SIX	37
SEVEN	44
EIGHT	48
NINE	57
TEN	60
ELEVEN	62
TWELVE	64
THIRTEEN	67
FOURTEEN	73
FIFTEEN	76
SIXTEEN	79
SEVENTEEN	83
EIGHTEEN	88
NINETEEN	90
TWENTY	95
TWENTY-ONE	98
TWENTY-TWO	101

TWENTY-THREE	103
TWENTY-FOUR	107
TWENTY-FIVE	109
TWENTY-SIX	116
TWENTY-SEVEN	119
TWENTY-EIGHT	123
TWENTY-NINE	126
THIRTY	129
THIRTY-ONE	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Мемуары шпионской юности

Вячеслав Гуревич

© Вячеслав Гуревич, 2021

ISBN 978-5-0055-4578-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕМОУАРЫ ШПИОНСКОЙ ЮНОСТИ

С чего начать?

В наш компьютерек самое банальное начало – это когда видишь что-то странное в углу экрана. Будем же банальны.

Речь идет о симпатичной рыженькой девчонке с роем веснушек вокруг вздернутого носика и выражением одновременно робким и вызывающим. Типа «А ну-ка, отними!», но шепотом. Подпись под фоткой кричала: «ВЫСЛАНА российская шпионка Luba Vysokopalzeva».

А ведь я ее знаю; ну не ее, конечно, где мне, но знал кого-то очень похожую. Пара кликов на компе поведали мне, что г-жа Высокопальцева почти что голубых кровей, или по крайней мере «голубых» по стандартам путинской эры: ее мать Анна Чапайкина была вице-президентом в «Эконефтегазбанке», «один из самых крупных». Вон оно как. Стало быть, сказка-то наша со счастливым концом. Так ведь и начало у нее не шибко грустное.

ONE

Год был 1974-й, скучал я в Колумбийском университете в Нью-Йорке... «скучал» в смысле «работал». Может, у кого-то и захватило бы дух оттого, что стоит среди степенных зданий в стиле римского классицизма с ионическими колоннами и капителями, переполняющих его чувством духовной связи с поколениями выдающихся... ну вы поняли. И все равно я зевал.

И вот в одно прекрасное утро я занес работу в кабинет к профессору Майрону Фридману. Уважаемый доктор парапсихополитологии был не один; в кабинете сидел молодой человек, чуть постарше меня, гладковыбритый, умеренно модно одетый, лицо перекошено в отчаянной попытке подавить зевок. Отчего я тут же проникся симпатией. *Свой!*

Но на зев и цвет товарища нет, как говорили древние «цы»; что-то было такое в молодом человеке...

Я тихонько так положил распечатки на стол между Фридманом и незнакомцем.

– I put here, ok? Anything else, sir?

На самом деле я горжусь своей грамматикой. Розенталь – наше все, но когда тебе платят гроши, то лучше не выпендриваться и не создавать всякие когнитивные диссиденты. А то можно и без грошей остаться.

От «sir» либерала Фридмана, конечно же, покорило.

Хотя он и сделал усилие, чтобы виду не подать.

– Благодарю вас, Леонид. Вот, Леонид Закс, еврейский беженец из Советского Союза.

Соблюл приличия!

– Очень приятно. – Незнакомец пожал мне руку. – Джош Конкорд.

Я не спешил уходить. *Чего у него там за логотипчик на папчке, и чего он ее так поспешино отодвинул подальше от моего пытливого взора?*

– Маникюр у вас классный, Джош. Салон не порекомендуете?

Легонькая такая улыбочка, почти что светская.

– Я оставлю Майрону координаты.

– Век не забуду!

– Мы заняты, Закс. – У двери Фридман прошипел: – Я же просил вас не обращаться ко мне «сэр». Это отдает... в общем, не надо.

– Как вам будет угодно, *Professore*.

– Вот так иногда посмотришь, – посетовал Фридман, выждав, пока я удалился, – ну прямо все мною пользуются. Взять хотя бы этого Леонида. Он переводит для меня статьи из советских научных журналов, неплохой переводчик, кстати говоря, и очень скор на руку, но я клянусь Богом – если бы не Майра Фельдман, я бы его на порог не пустил.

Майра, знаете ли, это одна из тех еврейских женщин – шагу не делает, чтобы мир не спасти. Причем она знает, что

может на меня рассчитывать. Я одноклассник ее мужа Марка, попробуй я скажи ей нет, это был бы тот еще «Ой вей из мир». В общем, она серьезно ударилась в кампанию «Отпусти людей моих», в смысле евреев из России. Майра добрая женщина, но ее методы – извините. Послушайте, Советский Союз – супердержава, они потеряли пятьдесят миллионов во Второй мировой – неужели они не заслужили уважения, вместо этого бесконечного преследования из-за кучки евреев? Посмотрели бы вы на этих евреев в реальной жизни...

Взять хотя бы Леонида – ужасающий циник, неудивительно, что советские ухватились за первый же шанс от него избавиться. Все эти саркастические шуточки с оскалом. У него же на лице написано, что он по костям пойдет, чтобы пробиться. Не поймите меня превратно: он беженец, да – а мои бабушки-дедушки, что они имели, когда прибыли на Эллис-Айленд? Им помогала благотворительность? Им покупали авиабилеты, их селили в гостиницу? Мой дед был образованным человеком, у него были дипломы по бизнесу и праву из Бердичевского университета, он играл на скрипке – но, по крайней мере, он был благодарен Америке!

Нет, Джош, как хотите, но правительство сделало ошибку, впуская этих людей в США. Республиканцы, как всегда – лишь бы досадить Советам – выдают визы этим людям налево и направо. Чтобы они всю жизнь жили на пособие. Вся надежда на их детей, на их еврейские гены – в конце кон-

цов, они поступят в хорошие университеты и войдут в прогрессивный лагерь. Но Леонид и ему подобные – извините, это безнадежно. Извините, я не хотел задерживать вас своей болтовней, но эта ухмылка его... если бы не Майра...

– Вы сказали, что у вас готов отчет. – Джош выразительно постучал пальцем по часам.

– Да, да, конечно. Еще раз извините, что я вас заговорил. Я надеюсь, что Компания – если можно так называть вашего работодателя...

– Просто «Агентство» сойдет.

– Разумеется... и вы проследите, чтобы наши гранты получили одобрительную оценку, не так ли? Потому что недавно у нас были непредвиденные расходы...

– Включая финансовую поддержку советских беженцев?

– Ну что вы, это ерунда, вы думаете, я бы стал платить ему больше минимума в час? Я же сказал, я его держу, чтобы Майра от меня отстала, наконец.

Я стоял в коридоре и курил с драматическим выражением лица.

По умолчанию я всегда курю с драматическим выражением. Типа мне нужно срочно решать, нажать ли на красную кнопку и взорвать мир, или предать кого-нибудь очень достойного. Чего он мне никогда не простит. Ну и так далее.

Конечно же, я знал, что Майрон обо мне думает. Даже вслушиваться не приходилось.

Когда я прилетел в США, все, что у меня было, – это адрес офиса Майры и номер ее служебного телефона. Она тут же повела меня обедать в «Карнеги Дели», где, как добрая еврейская мамеле, смотрела, как я пожирал абсолютно все в меню, и покровительственно похлопала меня по плечу.

– Теперь вам ничего не угрожает. Вы на земле Свободы. Вас никто уже не выдаст КГБ. Приходите на митинг. Там будут все выдающиеся деятели еврейского Нью-Йорка...

Я кивал и кивал и пытался выдавить благодарную улыбку, хотя мои лицевые мускулы уже нуждались в отдыхе после покорения трехэтажного бутерброда «Сэнди Куфакс», в который было напихано двадцать сортов колбасы и других вещей, о существовании которых я не подозревал. У меня вообще с благодарными улыбками не очень получается, ты уж прости, Майра.

– И Майрон там тоже будет, он поклялся. Я вас упомянула в разговоре, он такой придурок бывает, но у него золотое сердце, конечно же он вам поможет...

Таки помог. И все. Майрон стал моим личным тупиком.

Но Джош Конкорд – это было интересно. Это могло оказаться выходом из тупика. Как выразительно Майрон ни кашлял, пытаясь прикрыть свое «знание» жаргона, мне было ясно: мистер работал в ЦРУ. *Всем системам приготовить.*

TWO

Да знаю я, знаю про этот spycraft, эти правила игры, которыми их обучают в шпионских школах: мне следовало отследить этого Джоша до метро, сесть на поезд №1 в направлении «Даунтаун» (скорее всего), следить за ним со станции... Но мне уже это надоело, сколько можно все делать по правилам? Правила – это для тех, с серебряными ложками во рту, папа-мама в министерстве, пара звонков – и ты в шоколаде, «не клади ногу на ногу»... а я что? Что я имею с тех правил? Я уже провел в Америке четыре месяца, которые были как сорок лет; я мог пройти весь город от Брайтона до Вашингтон-Хайтс с завязанными глазами; я обошел Кристофер-стрит, где педерасты обсасывают и облизывают друг друга на каждом крылечке, и Девятую авеню, где на каждом углу тебе предлагают «дайм-бег», или пластиковый пакетик с колумбийской на червонец; и Сент-Маркс, где придурь с выжженными невидящими глазами все ждет пришествия Боба Дилана, или Мика Джаггера, или все равно кого, потому что он когда-то играл в каком-то подвале за углом. Я изучил все Бродвеи – западный (художники), восточный (китайцы), северный (никто не знает). Я приставал ко всем насчет поговорить – в метро, в барах, на улице... народ отвечал охотно, надо мной смеялись, да иной раз и я смеялся в ответ, что существенно повышало градус мир-дружбы. Мой акцент

таял, как снежная баба в Майами (Майрону об этом знать не надо), и я все равно чувствовал, что я буксую в песке, или в грязи, или даже на гаревой дорожке...

– Эй! *Tovarish!* – крикнул я Джошу, когда он двинулся к выходу.

Брюки хаки, легкий льняной клифт, узел галстука опущен, верхняя пуговица расстегнута, здоровенные очки Aviator – точь-в-точь образцовый профессиональный интеллигент с Upper West Side, – может, даже заведует разделом перформансов в «Таймс»?

– Ye-e-e-es?

– Могу ли я заинтересовать вас чертежами новехонькой советской ядерной подлодки «Виски-класс»? У нас тут распродажа, все чертежи со скидкой девяносто процентов членам профсоюза. За кэш предлагаем систему наведения торпед, прямо с завода – нравится?

– У вас закончились медикаменты, *Tovarisch* Закс – я правильно произнес вашу фамилию? Какая фамилия у вас была в России – Захаров? Захаревич?

Акцент у него был вполне приличный. За прибалта сошел бы. Эдакий горячий бруклинский парень. Он не замедлял ход ни на секунду. Ни для меня, ни для юбочек первокурсниц, взлетающих над загорелыми бедрами. Шел, как танк, по прямой.

Я «прочел» его по-быстрому. Ему нужно было отвезти папку Майрона на Федерал Плаза. Но прежде ему надо бы-

ло отвязаться от меня и поймать такси. Вот ведь засада какая. Так всегда, когда имеешь дело с этими, которым деньги на расходы немерено выдают. Теперь мне нужно было выбирать: то ли я буду настырной заразой прямо сейчас, или позже придется вести себя подозрительно (при нашей следующей «случайной» встрече).

– Послушайте, Конкорд, у меня есть доказательства, что Майрон двойной агент.

«Не повернул головы кочан», гад.

– Я кой-чего забыл сказать на интервью на въездную визу в Риме.

Его лицо перекошилось, как будто съел целый лимон.

– Позвоните в установленные часы. Наш номер есть в телефонной книге.

Он задрал руку, остановить машину.

Чего ж он от Рима так дергается?

Такси появилось моментально, как будто стояло за углом. Как будто это была црушная бибика в желтом обличье такси. Или же таксист Ральф Диаз инстинктивно осознавал, что имеет дело с очень важным чиновником.

Я ухватил было ручку двери, но Джош хлестнул меня по руке – довольно жестко. Я чуть не подул на руку, что было бы совсем по-детски.

– И не думай даже.

– А чо там с Римом? – сказал я весело-нагло.

Давай поковыряем болячку. Какая у тебя там сукровица?

Но Джош уже прочно обосновался на заднем сиденье.

– А может быть, хорошая идея – вас депортировать в ваш родной колхоз? Сейчас там уже... – Он замялся, среди его хобби «Агрикультура» не значилась.

– Озимые? – предложил я. – Доярки? Запои? (Теперь это называется «keywords».)

Он сокрушенно покачал головой и скомандовал Диазу:

– Federal Plaza. On Broadway?

Я хотел было пискнуть о «начале прекрасной дружбы» (см. кино «Касабланка»), но пока я вспоминал правильный артикль, он уже был готов:

– «Виски-класс» не делают с 1958 года, Закс.

И был таков.

Сет за Конкордом, 6:4. Да мне все равно нужно было в туалет. (Главное, это оправдать поражение.)

THREE

Вернувшись в свои грустные апартаменты, я тут же открыл купленный по дороге «Гиннесс» и пошел бороздить просторы моей студии с такой скоростью, что чуть в стенку не приложился. Что было не так сложно в данной камерке; посему я замедлил ход, чтобы не оказаться в Рузвельт-госпитале, где сестры особенно надрываться не будут, как только унюхают пиво.

Так что я заставил себя притормозить на поворотах, по крайней мере для затяжек. Предстоящий звонок должен был быть коротким и по делу. Но я не собираюсь заморачивать вас динамикой своих мыслительных процессов. Скажем так: за восемь минут я проработал тридцать семь вариантов и выбрал два из них.

Тогда я рванул вниз по лестнице, чуть не опрокинув пожилую соседку, которая глянула на меня... да какая разница, глянула, ругнула. Я уже был на улице, выхватывая ручку телефона-автомата быстрее, чем 007 выхватывает беретту.

– Центральное разведывательное управление, с кем вас соединить?

Какой прелестный южный прононс. Прямо «Унесенные ветром». Я до боли сжал пальцы в кулак и выдохнул:

– Послание для агента Конкорда.

– Минуточку. Хорошего вам дня.

Ее сменил мужик – полный контраст.

– С кем я разговариваю? – *На пол, сука!*

– Меня зовут Константин, и Джошуа Конкорд должен перезвонить по этому номеру ровно через час.

Я продиктовал номер телефона, повторил и повесил трубку. Никаких расшаркиваний, никаких «хэв-а-блядский-день». Джентльмены не играют в хоккей. Нах не послал, и на том спасибо.

Я возвращался своей обычной шустрой приклатненной походочкой – как говорят в Америке, старые собаки не учат новые фокусы. Хватит, отбегался. Дома открыл еще один «Гиннесс» и сел ждать. В оставшийся час – пятьдесят семь минут, кстати, – любой вид деятельности казался невыносимым. Включил местные новости: испанцев грабят, студенты протестуют, городские власти подворовывают. Все как у людей. Вся эта тягомотина кружилась у меня над головой и в отсутствие разрешения на посадку вылетала из окна. Я не мог ни о чем думать. Сердце билось о грудную клетку, требуя его выпустить хотя бы условно или по крайней мере использовать право на один телефонный звонок.

За пятнадцать минут до часа икс я спустился на улицу и приземлился возле телефона. Тут же меня пошла осаждать сущность самых разных полов неземной уродливости на предмет дешевого секса. Обычно я был не против с ними поболтать за жизнь, любая практика иноязыка принимается

в любых формах и наречиях. Но сегодня я отвернулся; если Джош позвонит, мне придется послать моих собеседников нах, они обидятся, и это может привести к.

Время текло медленно и безразлично, такое уж оно. Прохожие выгуливали собак с явным намерением дать им покакать рядом со мной; я уставился на них с мрачной угрозой, как будто я только откинулся, жить негде, убью нах, и они нервно проследовали по своему маршруту. Внешне я был не совсем готов к роли (*о чем ты думал?!*), на мне не было угрожающих тату, но все же я пару дней не брился, да и вообще Десятая авеню не Пятая, если с тобой не хотят беседовать, то не стоит искушать судьбу.

Час икс пришел и прошел. И тут на сцену вышел мой желудок. Перед уходом из дому я зашел в туалет, но сейчас в животе у меня заурчало так, что было слышно в Нью-Джерси. Я понуро встал и поплелся в пиццерию на вынос через дорогу; оттуда доносились такие ароматы, что меня аж качнуло, как от десятибалльной качки.

– Plain, – сказал я у прилавка, – ничего сверху, не заслужил я ваши пеперони.

– Это не очень было впечатлительно, Константин, – сказал Джош мне в спину. – Или Леонид. Или Феодор.

– Феодор да не тор. – Я неуклюже попытался.

– Вам следовало уйти через пять минут, – продолжал он. – Потом, возможно, вернуться через час. В общем, вы не профессионал. Кто вы?

– Сначала пицца, – сказал я. – Потом можно и по пиву.

FOUR

– Cheers, – сказал JC.

Еще до того, как я допил свою первую бутылку «Гиннеса», я решил отныне называть его JC. «Джош» звучало уж больно по-еврейски и невинно. Вряд ли Джош сможет спустить курок. А вот JC – запросто.

– Я должен сделать вам комплимент по вашему английскому, – сказал JC, – хотя иногда он звучит немножко странно...

Weird, сказал он. Мы уже перешли на английский, и это была хорошая примета.

Я просто таю. Rudy's, где мы устроились у стойки, – это мечта, а не бар. Это все равно как я пришел в «Иллюзион» на Котельнической смотреть старое голливудское: гаснет свет, зал наполняется тяжелым застоявшимся пивным амбрэ, в углу включается джук-бокс и сквозь треск слышится «(Sittin' on) The Dock of the Bay» Отиса Реддинга.

Я сто раз видел этот оазис для пасынков судьбы на экране, и сейчас я несколько не был удивлен, когда в углу стойки я увидел мужика в пожеванном костюме с безнадежно съехавшим галстуком. Он молча массирует свой стакан со скотчем, и каждая из ста морщинок в его лице кричит: *Нах мне нужна такая жизнь.*

Для полноты картины на другом конце бара сидит рас-

плывшаяся блондинка «сорок плюс», которая тут же открыто уставляется на JS – галстук-костюм, все на месте. Чем не кавалер.

Что я мог рассказать JS об отделении Госфильмофонда «Иллюзионе» и о синюшном недоумке, сидящем среди старушенций в темном зале и беззвучно повторяющем диалог вслед за Хамфри Богартом и Гэри Купером?

– Поздравляю, – сказал JS. – И что это все имеет...?

– А можно я покажу вам небольшой фокус?

Инициатива – это наше все.

– Напишите число. Да прямо тут на салфетке. Ручку дать?

Я, как юный пионер, «Всегда готов!». Это всего лишь Paper Mate, десять за доллар, с длинным стержнем, который я удлинил кусочком пластика. В любом случае ручка «Монблан» – в этом баре?

– Сколько цифр?

– Неважно. Не показывайте.

JS прикрывает ручку левой рукой, но я вижу, как движется верхушка, и вычисляю номер – 44. Детский лепет. Но протокол нужно соблюдать.

– Готов? Значит, так... Ваше число состоит из одной цифры... нет, двух.

Есть.

– Первая цифра – пять или меньше? Четыре? Четыре.

Есть.

– Вторая цифра – пять или больше? Нет – меньше. Четы-

ре?

Есть.

– Так что – 44?

Я раскланиваюсь под оглушительные аплодисменты.

– Забавно, – кивает JS. – К сожалению, у меня нет связей в мире эстрады. Вы в «Желтой телефонной книге» не смотрели? Где все по профессиям разложено?

Ничо-ничо, сопротивление – это хорошо, то, что нас не убивает, и т. д. Я потихонечку зверею, и фишка в том, чтобы подворачивать огонь ме-е-едленно, не переигрывая.

Блондинка разглядывает нас с повышенным интересом. Ну какие там мысли у нее читать, когда она и так смотрит на мир через призму, не мытую годами...

Свет-камера-мотор.

– Здравсте-как-вас-зовут, меня-зовут-Филипп-зовите-меня-Фил-просто-Фил, а-вы-знаете-что-вы-нарушаете-закон-штата-Нью-Йорк, нельзя-в-баре-сидеть-с-пустым-стаканом, а-могу-ли-я-осмелиться-и-предложить-вам-его-наполнить, и-что-же-вы-такое-пьете?

Блондинка в небольшом замешательстве от такой ковровой бомбежки. Впрочем, в ее состоянии для замешательства хватило бы простого hi.

– Эдит.

Она протягивает руку под непонятным углом: то ли поцеловать, то ли пожать.

Я делаю пальцепожатие – нэжно так, – что смущает ее вко-

нец. Тем не менее она держится молодцом и щебечет:

– Вы можете звать меня Эди.

Она бросает непонимающие взгляды на JC, на меня, опять на JC. Один одет небрежно и говорит с акцентом, хотя я не уверен, что она разбирается; а другой явно из частной школы – я забыл спросить про его галстук, – это то, что называют «club tie»? Где-то я читал про них. У меня тоже был в совке галстук в полоску – знать бы, что это за клуб такой был, «Черноморец» или «Кайрат»?

В окосевших глазах Эдит JC явно выглядит более многообещающе. Но я не в обиде.

– Джонатан. – JC представляется с максимальной любезностью.

Имя чуть-чуть исказил, наверное, так учили.

– Так что же мадам употребляет? – настаиваю.

Наконец она включает оба грамма своего серого вещества и бормочет:

– Ку-ву-зе.

– Итак, «Курвуазье». – Я подзываю бармена.

– Со льдом, – добавляет она поспешно.

Бармен – ирландец лет пятидесяти; как у всех ирландцев, у него вид «Я у нас в Белфасте еще не такое видел, так что нех тут», и тыща морщинок на багровом лице остаются неподвижными. С тем же успехом она могла заказать «Бадвайзер». А мы с JC старательно пытаемся подавить снобские улыбочки. «Курвуазье»! Со льдом! Лед в коньяк, кель мове-

тон! Таки мы уже на одной стороне! Как это легко!

Я выдерживаю респектабельную паузу, притворяюсь, что судьбы человечества на кончике моей сигареты, и команду бармену:

– Да ладно, черт с ним, двойной наливай, леди знает, чего она хочет! Видите ли, Эдит...

Прикольно, но улыбка приходит ко мне естественно. Причем только в США я узнал, что я обладаю естественной улыбчивостью. В России, как вы знаете, смех без причины – признак. Из нас это выбивают в начальной школе. «И чего вы улыбаетесь, Гуревич? Поделитесь с классом». Ага, прям шас.

– ...Джонатан и я, мы проводим социологические исследования для Колумбийского, мы ищем кандидатов, может, вы могли бы ответить на пару вопросов, если вы подойдете, возможно скромное вознаграждение...

– Ну-у-у-у... – Почему-то она прыскает. – Почему бы и нет. Такие симпатичные исследователи. – Последнее обращено не ко мне. – В рамках приличия, так ведь? – Опять прыскает, в ответ своим тайным остротам, которые мне очень не хочется «считывать».

– Вообще-то, дорогая Эдит, вам ничего не надо говорить. Говорение я беру на себя. Я только что принял специальную таблетку, которую Джонатан разработал в секретной государственной лаборатории и которая – возможно! – позволит мне читать ваши мысли. Повторяю, если вы отвечаете

нашим требованиям, если ваши мысли можно читать, то вас пригласят для настоящих опытов, и там для участников уже будут серьезные деньги.

Я затыкаю себе рот и удерживаюсь от «На Ку-ву-зе на пару дней хватит».

Итак. Вдруг я не знаю, с чего начать. Обычно я работаю с конкретными установками. Например, как детектор лжи. Я делаю только обязательную программу, я не делаю произвольную. Но от такого скептического жюри, как JS, наводки не дождешься. Он предпочел бы, чтобы я прыгнул и пропал без следа и оставил его в покое, чтобы он мог бултыхаться в своей депрессии. Он просто не заслуживает такого подарка судьбы, как я.

Так что будем делать с Эдит? Остается только частная жизнь – быстрый надрез, будет больно, но недолго, и мы разойдемся, как в море корабли.

– Пара вопросов, Эдит. Вам сорок... сорок.

Есть.

– Эй, подождите-ка, молодой человек...

Господи, она еще и заигрывает.

– ...Разве леди можно задавать такие...

Я поднимаю руку – *Ша*. Не то чтобы это совсем сработало, она еще что-то бормочет, но с этим можно ужиться.

– Ваши родители... ирландцы... но не совсем... одна по крайней мере, а другой... вы не знаете?

– Мама говорила...

– Это неважно, что мама говорила. Речь идет о вас. Вы были замужем... дважды... трижды?

Есть. М-да...

Ее гонор пошел на понижение. Не самая благополучная у нее история супружеств. JC начинает проявлять интерес, наконец-то, слава богу.

– А что с детьми?

Вау, иголка подскакивает.

– От первого брака... ноль, от второго... ноль, и от третьего... опять ноль. Так чо там, вы родили между браками, что ли? Не-е-ет. Логически говоря, остается только до первого брака? И что с ним?.. Пришлось отдать на усыновление. И вы знаете, где он или она? Нет? Извините...

Смотреть, как женщина плачет – удовольствие сомнительное, а пьяная женщина – вдвойне. Можно не описывать ее трясущиеся губы-руки. Эксперимент закончен. Вот вам бумажный платок. Да ладно, салфеткой.

Я бросаю взгляд на JC. Жаль тебе ее, конечно, и меня ты в упор не выносишь. Я, в общем, тоже восторгом не преисполнен. Но ведь это ты меня вынудил!

– Надеюсь, больше вопросов нет, – говорю я ему. Кладу червонец на стойку, бормочу «сорри» и направляюсь к двери. Мне нужно срочно сделать большой вдох-выдох. В одиночестве. Уж больно неприятная я фигура.

FIVE

Я решил дать JC сорок восемь часов. Пускай остынет в своих оскорбленных чувствах и вернется в реальный мир.

– ЦРУ, с кем вас соединить?

– Послание для агента Конкорда.

– Минуточку. Хорошего вам дня.

– С кем я разговариваю?

– Это Дмитрий. Скажите Конкорду: обычное место через два часа.

На ошибках учатся: пришел, увидел, не победил. Вернулся через час. Опять не победил.

Сажусь на поезд №1 в северном направлении («аптаун»).

– Здравствуйте, профессор, помните мужчину, что был у вас в кабинете прошлый раз? Он уронил вот это. Я бежал за ним, дык разве угонишься, тренированный, видать.

Протягиваю ему запечатанный конверт из жесткой бумаги, «манила», в которых бандероли шлют.

– Я внутрь положил. Можете открыть, если чо, у вас же наверняка есть доступ.

Майрон в ауте. Боится даже прикоснуться к конверту. Неуверенным тоном пытается вытянуть из меня, что и как.

– Извините, но у меня нет времени. Мне надо отвезти

в больницу моего соседа по квартире. Он гей и к тому же родом из Перу – сами понимаете.

Это его затыкает на раз.

– Наглости у тебя хоть отбавляй. – JC сказал по телефону. – Ладно, подходи в Landmark Tavern, это на 11-й и 46-й. Пять минут от твоей трущобы.

Внутри «таверны» я в экстазе. Вообще-то, мне и в России нравились все места по части выпивки. Пожалуй, можно даже сказать, что я бары люблю больше, чем саму выпивку. Даже самые позорные советские. Как пивная в подвале возле Покровки в Москве. Пиво разливала людоедша по имени Катюха, которая, по слухам, спала со всем общепитским начальством, и не раз. Внешне она была как опустившаяся Эдит из Rudy's. Или Эдит была как расфуфыренная Катюха.

Разлитое пиво, разведенное до прозрачности, и кости от воблы – вот что такое был этот бар. Парадоксально, но сплошная дымовая завеса в этой пещере позволяла поддерживать анонимность (хоть топор вешай – о, этот оптимизм русской идиомы). Если туда походить неделю-другую, рак легких был обеспечен. И все равно эта «таверна» влекла меня какой-то открытой незатушеванной кондовостью, которую не найти в элегантных кофейнях.

Но бары Америки... это любовь. И Landmark Tavern заслужил переходящий вымпел своим стилистически непорочным интерьером, чистым и безразличным к временам

и модам. Всего один телек над стойкой! Утопи свою надежду в стакане, всяк сюда входящий. Римский Колизей в ирландской обработке. После этой «Таверны» я почувствую себя предателем, если пригублю «Гиннесс» в любом другом месте.

– И что ты такой нетерпеливый? – допытывается JS, как только мы устроились за столиком. – Куда ты спешишь?

– Я не спешу. Это мой обычный ритм. Всегда на пятой скорости.

– Ну-ну. Чего же ты на самом деле хочешь, Леонид? Хочешь, я тебе майку подарю «Агент ЦРУ»? Есть две расцветки: черным по черному и серым по серому. Какой у тебя размер – L?

– Ну спаси-и-ибо... – протягиваю я. – А можно еще бейсбольную кепку?

Я строю мечтательное лицо. Солнышко, травка, голубое небо, соломинка в углу рта...

– На самделе мне ничего такого не надо. Я думал, мы просто подружимся. Я ведь один как перст в Америке. Совсем друзей нет. Не с кем по душам, понимаете?

JS не лыком шит, знает когда надо перестроиться.

– Поня-я-ятно. Кстати, и шоу же ты устроил с этой женщиной – Эдит, кажется? Мне пришлось ее еще угощать, пока она не успокоилась...

– И вы отказали ей в интимае? Сноб, однако. Она же

от всей души.

Знает, что неприлично, но все равно лыбится.

– Майрон не так уж далек от правды насчет тебя. И что же такое ты забыл упомянуть в Риме?

– Я не сказал «в Риме». Может, это было в Вене.

Вена была первым перевалочным пунктом по дороге в США. Сперва это был один и единственный пункт, но затем палестинцы объяснили австрийцам, что помогать советским евреям чревато. Австрийцы, как и полагается наследникам аншлюса, моментально встали на задние лапки и перекинули евреев в соседнюю Италию. За несколько лишних долларов итальянцы согласились пригреть нас, пока мы ждали въездных виз.

– В игры будем играть? Может, разойдемся по-хорошему? Грант профессора Фельдмана скоро истечет. Думаешь, ему будут нужны советские статьи?

– Да у меня и в мыслях не было. Я просто хотел удостовериться, что вы знаете маршрут эмиграции.

– Я знаю этот маршрут. Моя работа заключалась именно в том, чтобы не пускать в Америку нежелательный элемент вроде тебя.

– И что, не поладили? Библиотечный день не дали?

Он пожал плечами.

– Я государственный чиновник. Перевели в другое место. Люблю наблюдать, как угроза сжимается и окутывается меланхолией.

Я «читаю» его и тут же чувствую острую необходимость выйти.

– Прошу прощения.

Бывает, что на меня вываливается слишком много информации, причем под тяжелым эмоциональным соусом. Если бы у меня была инициатива, я «прочел» бы его так, как я это сделал с Эдит, или по крайней мере я бы переждал, делая паузы, медленно пережевывая входящие данные и переваривая их на будущее. Но за этим столиком я далеко не в седле. Срочно нужен перекур.

Плюхаюсь на стульчак, спускаю штаны – на всякий пожарный. Закуриваю – что абсолютно необходимо, и место самое подходящее. ОК. Итак, до недавнего времени JC сидел в посольстве США на Виа Венето в Риме и проверял еврейских беженцев, подавших на визу. Работа – не бей лежачего, натуральное *dolce far niente*; что же случилось? Ведь курирование Фридмана в Колумбийском никак не назовешь повышением. Ты в жопе, старик. Так что же, повторяю, случилось? Три стандартных гипотезы: бабло, бухло, бабы. Остальное статистически незначительно. Первые два – непохоже, слишком молод, слишком чистенький еврейский мальчик. Остается баба.

На берегах Тибра, среди мрамора и зелени Виллы Боргезе или, более вероятно, на шумных пляжах Остии, этот Живаго нашел свою Лару. Она: а) работала на КГБ, б) притворилась

беременной, чтобы обеспечить визу, с) а плюс б. Неважно, это может подождать.

Грамматика простая: Рим был неудачей в прошлом времени. Колумбийский – наказание в настоящем. Леонид Закс – возвращение в ряды в будущем. Чем скорее это дойдет до JS, тем лучше.

JS вежливо осведомился о моем здоровье, никакой издевки, приятно слышать. На самом деле он был нормальный мужик. На данный момент это не играло роли, но в дальнейшем могло оказаться полезным.

– Официантка подходила, спрашивала, приносить ли тебе стейк.

– Очень даже. Всегда готов. Пионер всем пример.

На некоторое время диалог свелся к минимуму, поскольку мы погрузились в наши стейки. Особого аппетита у меня не было – я слишком волновался, – но я и виду не подал, тем более что с такой вырезкой особенно притворяться было несложно. (Можно подумать, что я так прямо разбираюсь в стейках.)

– Быстро ты ешь, – заметил JS, пока я подбирал каждую каплю соуса оставшимся куском мяса.

Ну да, ясный перец, убрать стейк за пятнадцать долларов с такой скоростью, как будто это Биг Мак, – это моветон. Надо смаковать туда-сюда, говорить умные вещи между кусочками...

– Дурная совковая привычка. Что уж там.

Я был вхож в лучшие рестораны в Москве, но я никогда не любил проводить на ресторанных пиршествах больше времени, чем требовалось. Раболепные официанты, надменные боссы – это не мое. Кроме того, если меня звали, это было по работе.

– Для переваривания пищи тоже не очень полезно.

– Жизнь в СССР вообще не очень полезна для здоровья.

Наконец JS прикончил свой стейк и отставляет тарелку, оставив на ней пару ломтиков картошки. Уссаца какие манеры.

– Мы можем о делах?

JS взялся за руль. Хватит кокетничать.

– Что же ты такого недоговорил на своем интервью? Ты осознаешь, что ложь на заявлении может привести к депортации?

– А я и не лгал. Но я и не устроил шоу, как с Эдит.

Пауза.

– А чем ты вообще в России занимался? Ты использовал этот свой «дар»?

Вот мы и подошли к интересной части.

– Насколько вы разбираетесь в советской жизни? Вы знаете, что такое «цеховик»?

Официантка приносит десерт. Яблочный пирог *a la mode*, то есть подогретый с мороженым сверху. И «нью-йоркский чизкейк». JS заверил меня, что эти два блюда – то, на чем

стоят Америка и Нью-Йорк, соответственно.

Мы делимся, чтобы дать мне попробовать оба. Оба действительно потрясающе. Половина чизкейка слетает по моему пищеводу быстрее, чем Шумахер на «Формуле-1», только без рева мотора. Я меняю тарелки. А la mode звучит претенциозно, но концепция сочетания подогретого пирога с мороженым посылает сноболексические возражения подальше.

– You like?

Исключительно из вежливости я мычу в ответ. Какие уж там разговоры. Господи, дай мне силу воли остановиться на полтарелке и предложить остальное JS.

I love America. Им надо бомбардировать советское посольство этими десертами; через пару дней им придется нанять дополнительный персонал для перебежчиков. Мои вкусовые рецепторы давят на меня встать навытяжку и с рукой на сердце спеть «O Say Can You See».

Или что-нибудь в этом роде. Текста я конечно не знаю. Я кот из Стругацких, который знает две строчки любой песни. «Это есть наш последний»? «Allons enfants de la patrie»?

Да, я «читаю» мысли – правильное сказать, я «читаю» микрожесты и выражения лица, меня невозможно обмануть, но мое собственное лицо открыто нараспашку. Даже JS видит, что там написано.

– Можешь доесть пирог, в меня столько не влезет.

Я осознаю, что на тарелке осталось буквально на два укуса. Стыдно-то как. Я опускаю глаза и бормочу спасибо, тише

не бывает.

– Итак. – JS медленно помешивает сахар в кофе. – «Tsekh» – это секция на заводе, *правильно?* Ты был *nachalnik tsekha*? Это ответственная работа, нет? Ты слишком молодой, по-моему.

Вот в чем проблема с этой ихней «Плющевой лигой» – Толстого они учат, но про теневую экономику ни слова.

– Цеховик – это бизнесмен, – объясняю.

JS фыркает.

– Это черный рынок? *Fartza*?

– Я понимаю ваш скептицизм. Вы думаете о прыщавых юнцах с запахом изо рта и ужасным акцентом, которые хватают тебя на улице и шепчут: «„Левис“ джинс? „Мальборо“»? Их трудно уважать, я не спорю. Уже не говоря о том, что каждый второй из них стукач. Если человек не хочет привлекать внимание, их лучше избегать.

– А ты тогда кто будешь? Что же такое ты делал в России?

– Это не так просто объяснить.

Я колеблюсь... по идее, я мог бы это объяснить за одну минуту. Но беда в том, что JS теряет терпение, это очевидно, и как его винить, когда имеешь дело с таким хитрожопым фруктом, как Закс? Он хочет, чтобы все было кратко и точно, больше тридцати слов в его New File не вмещается.

Надо перехватывать инициативу.

– Вы извините, – говорю, – но мне пора идти, встречаюсь с моим куратором из новозеландской разведки. Whack-a-

Магу-Магу – слышал? Так что желаю приятно провести время на свидании. Но завтра мы можем сделать официальный дебрифинг. Часок найдется? В это же время?

Теперь он начинает мяться, как позорный фраер, который не может признаться, что никакого свидания у него и близко не запланировано, а не то я сделаю неприятные выводы о его личной жизни. Как будто я сам не вижу. Да... пацан нуждается в помощи.

Но это будет позже. А сейчас я прощаюсь, оставляя его в замешательстве и даже небольшом потрясении. И это совсем неплохой результат.

SIX

То, что я делал в России, трудно объяснить Джошу, или Джону, или Джонсу. Впрочем, бывшим товарищам по паспорту тоже непросто.

Вот он, момент истины.

Я посвятил этому моменту немало времени. Иногда кажется, что я вообще ни о чем другом не думал: как мне себя продать?

«Правда, вся правда, ничего, кроме правды» – благородные слова, кто бы спорил, но если у вас нет крутого адвоката, толку с них – чуть.

Разумеется, можно и не рисковать, что я и сделал на интервью в Риме.

Ходил в школу, потом в вуз. Изучал марксизм, феодализм, синхронизм, фонетику, литоты, парадигмы. Роль пролетариата у Стейнбека и Скотта Фицджеральда. Вторая партийная конференция и четвертование Юлия Мартова, уроденного Зедербаума... и вот он я, олицетворение социалистической невинности, стою в ВенеРиме у капиталистического рога изобилия: «Оу-вау-Леви-Страусс-бери-не-хочу, где-здесь-очередь-занимать-кто-крайний».

И JS сделает то же, что его коллеги в Риме: пожмет плечами, и пожелает мне удачи, и забудет через две минуты. Коридоры посольства пропитаны слезами советских гуманиста-

риев.

А еще я могу рассказать, как было, но по силам ли этому выпускнику Плющелиги в этом разобраться? Он вырос на историях о Джордже Вашингтоне и вишневых косточках («Врать нехорошо»), о Линкольне и прочих американских Санта-Клаусах, его мозги и душу тридцать лет кормили процеженным интеллектуальным пюре – он что, поймет, что такое если не Гулаг, то Гулаг Lite? Речь идет о таких совках, как я, которым, скажем так, было тесновато в бараке «Восход Ильича», по контрасту с восьмьюдесятью шестью процентами населения, чья жизнь течет «намано-все-путем», пока в сельпо дают водку. Их государство не предаст. Советский социальный договор основан на водке. Притом что я ничего не имею против водки и охотно поглощал ее в не всегда умеренных количествах... но не водкой единой, камрад, и многие диетологи согласятся.

Переходим к фактам. Мой клиент/патрон/работодатель, Шахов Михаил Андреевич, урожденный Мордухай Шехтер, сын Аронов, работает в скромном облупленном четырехэтажном доме (до революции это была рабочая общага) в Третьем Большевицком переулке. Дом стоит в тупике, дорога к нему изгибается змеей через дворик такой узкий, что личный шофер товарища Шахова не может подогнать его черную «Волгу» к парадному, так что ему приходится пользоваться черным ходом. Товарищ Шахов не возражает. Товарищ Шахов вырос в те времена, теперь почти былинные, ко-

гда возможность ускользнуть за пять минут до прихода людей в форме могла сберечь тебе жизнь.

Несмотря на скромную внешность и никогда не красивый фасад, чей цвет не описуем ни одним членом Союза Художников, дом в тупике хорошо известен деловому люду Москвы. Это «Городской трест кулинарного обслуживания», которым заведует его директор Епифан Епифанович Епифанов. Никто никогда не видит товарища Епифанова, который занят партийной работой, и, кто знает, тот уверен, что товарища Епифанова уже ждет кресло Министра по кулинарной работе. Но конкретной деятельностью Горкулинартреста заправляет товарищ Шахов. Именно он решает, получит ли ресторан приличную баранину с тбилисской базы и осетрину первой свежести из Астрахани, или придется ему удовлетвориться костями и ржавой селедкой или вообще гнилой картошкой.

Кабинет товарища Шахова находится на четвертом этаже, и просто так туда не войдешь. Его два секретаря, Ленина Патрикеевна и Сталина Алтыбаевна, бдительно исполняют свои функции. Обе пришли в Трест после ничем не примечательной карьеры в органах, одна из КГБ, другая из ГРУ (что объясняет их яростную конкуренцию, которая забивает кока-колу и пепси, форда и шевроле). У каждой секретный фиолетовый пояс по самбо, но особенно назойливые посетители могут натолкнуться на нечто более серьезное. Например, Ленина предпочитает печь пирожки с лобстером из Мейна

и швейцарским Груером, которые ей привозят старые друзья оттуда. В то время как Сталина начинает свою выпечку икрой из Астрахани и омулем с Байкала. Я всегда подозревал, что в один прекрасный день все кончится дуэлью из-за того, чьи пирожки предпочитает их патрон. Впрочем, товарищ Шахов поощряет такого рода конкуренцию.

Товарищ Шахов восседает за письменным столом размером с Якутскую АССР, покрытым тайгой зеленых папок и редчайшим телефоном ВЭФ с аж тремя линиями, которые наводили шорох у посетителей. В Америке я был поражен (ненадолго), увидев телефон с пятью линиями на столе в замухрышной конторе. Впрочем, еще больший шорох наводил простой черный аппарат без наборного диска. Посетители могли лишь догадываться, с кем соединяла Шахова *эта* линия.

Первое, что видишь в колобкообразном (по маслянистости и форме) лице товарища Шахова, с мешками под глазами, которые нисходят по жирным желтоватым щекам, – это усталость. Затем безнадежность. Затем презрение к посетителю. Даже первокурсник с Пироговки, даже шаман средней квалификации увидят, что у товарища Шахова вагон болячек, одна серьезней другой. Вдобавок к болячкам он, как я сказал, смертельно устал. Он устал от денег, которые он получает весь день. В этом заключается его работа – собирать ясак от директоров ресторанов.

Не поймите меня превратно. Шахов любил деньги.

Но в его положении... это все равно что отбывать пожизненный срок в камере-одиночке с Мэрилин Монро. Наступает момент, когда тебе вспоминается та самая бухая буфетчица с золотым зубом на вокзале в Курске. Но даже если любовь ушла, завяли розы, то уважение к деньгам осталось. К тому же, что важно, деньги счет любят. Просто обожают. И если в пачке не хватало рубля, или червонца, или сотенной, Шахов просекал это с ходу. Ему хватало одного взгляда на толстенную стопку банкнот, чтобы сказать: «Не хватает».

Именно поэтому сидящий напротив Шахова курьер из «Ингури», популярного грузинского рестро на Некрасовском валу, вертелся как шашлык на шампуре. Он потел и клялся, что он получил и принес пять тысяч, как договорились, и ничего не знал о нехватке одной тысячи.

Найти тысячу была моя работа. И директор «Ингури» был покруче, чем Эдит из Rudy's. Но я всегда находил деньги. (Это не значит, что деньги возвращались по адресу. Товарищ Шахов знал, что есть мздоимцы и покруче его, и если речь шла о партии или милиции, прикусывал язык.)

Порою Шахов одалживал меня друзьям и коллегам. Я раскрыл растрату в «Елисеевском». Конечно, заведующая Галина Ивановна могла бы и обратиться в милицию, но тогда милиция могла обнаружить больше, чем простое хищение, и кому это надо? Проблемы надо решать как можно тише. Галина Ивановна ценила тишину и снабжала меня по-царски. В стране победившего дефицита такой доступ ценился

больше, чем деньги.

Наконец, цеховики, теневые производители с невообразимыми состояниями, московские Джобсы-Гейтсы. Как представитель Шахова я посещал сходки в Ялте и Сочи. Здесь мне было достаточно знать, кто в чем врет, как у кого идут дела, на кого Шахов мог положиться и на кого нет.

Чего-чего, а денег у меня хватало, JS; намного больше, чем я мог потратить, что было общей головной болью для цеховиков, которые жили в страхе предрассветного стука в дверь и умирали молодыми, ибо ни один кардиолог не может спасти сердце, которое живет под таким стрессом (добавьте три пачки в день и жирное мясо поздно на ночь).

И тут мы попадаем в тупик.

Я уже видел, что JS начинал ерзать от любой моей истории, даже косвенно связанной с нарушениями закона. Парадокс? Шехтер коррумпирован насквозь, и работа на него делает меня таким же коррумпированным. Какая разница, что я в некотором деле восстанавливаю справедливость; я коррумпирован по ассоциации, и, как ни верти, мой «облико морале» добела не отмыть. Диапазон толкований был от Большого Негодяя до Мелкой Сошки. То есть, может, моя коррумпированность и не тянула на то, чтобы дать мне от американских ворот поворот и отменить визу? На-а, овчинка-выделка... Но, конечно же, с таким прошлым работа на ЦРУ была немислима. «Холодные руки, горячее сердце» – во всем мире формула одна и та же.

Моя ошибка. Опять все те же грабли.

Я думал, что чувак из ЦРУ может подняться над такой мелочью, как переадресовка пары тысяч рублей. То есть я уверен, что в Агентстве были люди, которые могли подняться и выше, но они уже поднялись, они сидели так высоко, что мне до них было просто не добраться. Вместо них я имел дело с лузером, который верит во все конституционные поправки и следует всем заповедям.

Что же делать, если такую карту сдала мне фортуна. Будем играть.

SEVEN

ИС решил взяться за американизацию Закса на полном серьезе.

– Ты когда-нибудь суши пробовал?

Я сознался в невежестве.

– В России нет суши, так ведь?

Опять двадцать пять. Придушил в себе каламбур «одна шестая».

– В России много чего нет.

Меню в «Орока Суши» было просто, как правда. Суши-сашими-удон-терияки-темпура. Для меня это читалось как вступительные титры фильма Куросавы. Я сжал зубы. Все ясно: меня проверяли. Не было дня, чтобы Америка меня не проверяла. Но я готов. Я сдам все экзамены, какие есть. Всегда сдавал. На одном дыхании.

Презентация меня покорила. Эти пластиковые кусочки, разбросанные под неожиданными углами, разделенные зелеными стеночками на тусклом черном подносе, – это мое. Гастрономический «Морской бой». Цусима! А нежный вкус тунца-лосося-краба – это уже, пардон, халява.

ИС вел себя тактично, в тон этническим особенностям обеда. Разве что не раскланялся и не гаркнул «Хай!», как достойный самурай. Я повозился с палочками, весьма бесславно, и затем, как прыгун с трамплина, перевел дух, от-

важно схватил кусок суши рукой и окунул его в соевый соус, ну прямо Александр Македонский с гордиевым узлом. JC не повел ни одним мускулом, поддерживая спокойно-отсутствующий вид; сидит такой Басё весь из себя и отслеживает себе вихляние листа по ряске пруда.

Я допил sake, выкрикнул «Банзай!» (про себя), задрал меч и ринулся в бой.

– Скажите мне, какая самая важная задача ЦРУ? Пролезть в мозг советского резидента, не так ли? Так я же его расколю, как орех? Чайковский? «Щелкунчик»? Чо, неужто не водили на утренник?

– Ты серьезно веришь, что с твоим прошлым, с историей работы на русскую мафию, ты являешься перспективным кандидатом для Агентства?

На самом деле ему не смешно, но тактически важно притвориться, что он якобы еле сдерживает смех. Все, что мне остается, – это подать заявление на резидентуру в московском отделении (Moscow Station) ЦРУ, и JC прорвет смехом так, что тщательно составленная Цусима разлетится по всему ресторану.

– Пер-спек-тив-ный кан-ди-дат, ха-ха, это как? Моя семья должна была прибыть на «Мэйфлауэр» в 1620-м? Или нужно кончить Плющелигу? Ну, вот взять вас хотя бы: все бумаги на месте, и что с того? Извините, забыл: вы работали в Риме.

– Ты не понимаешь таких вещей, – говорит он.

Судя по пьяно-мечтательному выражению на лице, он

Вспоминает Ее. Саундтрек: «Блеск твоей улыбки» (у его красавицы вполне могла быть золотая фикса, а то и две, но сейчас не лучший момент выяснять такие детали). Или «Первый бал Наташи»: хрусталь, эполеты, пируэты...

Ну это же убиться можно: какая-то шалава подсекла его в Риме, а он все еще видит себя байроническим героем, разочарованным в человечестве. Сначала он разочаровался в ней, а теперь второй русский – я – и опять разочарование.

– Короче, – говорю, – не знаю, что у вас там было в Риме, но с тех пор ты русским не доверяешь. И я тебя понимаю. Я их вообще на пушечный выстрел.

– Работать на Агентство... – JS качает головой. – Ты просто не представляешь себе уровни бюрократии, проверки биографии...

– Да какая еще бюрократия. Я от нее всю жизнь как от ладана. Давай я буду твоим фриленсом. Спусти меня с цепи на савейских, да просто запусти меня на какой-нить дипприем, я тебе столько секретов нарою, ты год будешь разбираться. А не найду – что ж, приятно было познакомиться, деньги будут – заходи. Но если я что-нить найду, тебя же сразу назад возьмут! Какой там Фридман, ты опять на коне, цельный кабинет в Лэнгли, вид из окна аж до Флориды! А может, ты... того – все, сдался? Ну сам подумай – ну что ты теряешь?

А он уже думает. Он не сказал «нет», он не послал меня подальше. Я уже слышу, как лед ломается на реке, уже повеяло теплым ветерком... «Весна на Заречной улице», не мень-

ше.

Най! More sake, please? Да подогрей как следует! Банзай, кисио!

EIGHT

Мероприятие

Прием по случаю годовщины государства Бакваттенланд, дата не первой категории важности, но достаточно популярная в календарях посольств и миссий.

– Запущу я тебя, – сказал JS, – так и быть, позвоню, мне кое-кто должен.

– Фрак, смокинг?

– *Oh please*. Куда тебе еще фрак, нахлебник русский.

«Хуже татарина», – подумал я, но не озвучил. С этими плющелиговскими никогда не знаешь, вдруг в татарофобы запишет.

Справка

Бакваттенланд:

93-я по размеру экономика в мире,

один из изначальных основателей ООН,

рейтинг №11 в списке Amnesty International,

№12 в «За права млекопитающих»,

№1 в «Международной ассамблее пешеходов»,

максимум голов в своей группе на Кубке УЕФА – 2,

самое высокое место, занятое на конкурсе «Евровидение» – 21.

Зато: статус наблюдателя в НАТО и 12 миль границы с СССР. Посольство Бакваттен – истоптанная нейтральная

полоса для встреч в обход железного занавеса, с приличным жарким из оленины и водкой на крыжовнике. См. «Секретный протокол США – СССР №299», гриф «Совершенно секретно». На государственных приемах в посольстве Бакваттен скрытое аудиовизуальное наблюдение не допускается.

Посольство расположено в обедневшем, но все еще респектабельном месте возле Посольского ряда, викторианский особняк между «Карибской канцелярией», куда невежи все еще заявляются в день рождения Боба Марли в ожидании бесплатных косяков, и штаб-квартирой «Национального общества сохранения рыбокрысы», когда-то респектабельной эко-организации, которая временно не поддерживается «Гринписом».

Нечего на лимузины тратить, можно взять такси от метро, ближайшая остановка – «Тенлитоун», \$2.70 на счетчике, квитанцию сохраняем, пригодится.

Я в списке: Lewis Kauffman, International Peace Analysis, Inc.

Каменнолицые официанты разносят бакваттенское шампанское, которое они называют «sparkling wine», «игристое вино», а то не дай бог виноделы провинции Шампань пожалуются, и Брюссель оштрафует.

А почему советских так легко выделить в толпе? От них исходит чувство неловкости, на них лежит отпечаток стресса, который их выдает безошибочно. Их смех чуть более на-

тянутый, хотя осанка у них лучше, чем у западных, – все служили, все маршировали. Многие из них пришли с партийной работы – хотя нет, тех отправляют в Тананариве, не в Вашингтон, сюда направляют по о-о-очень большому благу. Взять хотя бы этого лысого – лет сорок ему? – он точно прошел от рядового через все чины, какие есть. Черт, мне бы их выучить надо было, от Полномочного до Атташе по Лесу-и-Икре – этот похож на последнего.

Я вслушиваюсь. Он запинается в своем описании Калифорнии: «Очень понравилось, хотя наш Крым не уступает», ищет слово, подзывает:

– Анечка!

Подходит девушка... и я сглатываю. Она же...

– Помоги-ка: как эта хреновина называется, на которой они по волнам?..

– Skiteborrd? – Акцент у нее еще тот.

Я чуть не сказал: «Surfboard», Однако. «Спокойствие, только спокойствие». Откуда Льюису Кауфману такие вещи знать? Но ведь я ее знаю, она выглядит чертовски знакомой, я аж губы кусаю от волнения...

– Так вы имеете в виду *surfboard*, – говорит его собеседник. Ну конечно, типчик из ЮжКалиф, умиротворенное выражение, прекрасный загар, шестьдесят четыре зуба один к одному... да все у него один к одному, от маникюра до формы яиц.

Девушка Аня бормочет какое-то «сорри». Черт, ну отку-

да же я ее знаю...

– Ничего страшного, – машет рукой ЮжКалиф.

Дубина, она перед боссом извиняется, а не перед тобой.

Аня обращается к Атташе по Лесоикре:

– Я отойду в туалет на минуточку.

– Ну, раз приперло, – ухмыляется тот.

И она отбывает в направлении женского туалета.

Я врубаю все двигатели и иду наперехват, каждый шаг выверен с точностью ракеты «воздух-воздух». Одобрительно отмечаю, что, как только Аня покинула поле зрения Икролеса, она замедляет ход и корректирует курс. Умница какая. Но мы тоже умеем корректировать, она излучает тепло, и мы умеем наводить на тепло.

Разумеется, я проверил местонахождение туалетов немедленно по прибытии – это первое, что проверяешь везде. Немало моей работы прошло в туалетах. Почему-то люди охотней говорят правду со спущенными штанами.

– Are you Ann? – Я решительно преграждаю дорогу. Давай пидай в трусики, мы не сделаем ни шага назад. – I know you, we met in Miami Beach, last February or was it March...

Снаряды ложатся в цель, она ошарашена такой артподготовкой. Теперь я могу рассмотреть ее поближе. Среднего роста, стройная, ни грамма жира – совсем не на русский вкус. То ли она не любит пирожные, то ли у нее обмен веществ как у птички. Ничего в ее чертах лица нет такого: скулы средней высоты, нос средней орлиности, для глянцевой обложки она

не готова, но вот этот рой веснушек, все еще алеющих после ошибки с surfboard...

– I'm sorry. – Опустив глаза, как идеальная маленькая гейша. – I don't remember you and I was never in Miami.

Знаю, солнышко, знаю. Для советских дипломатов в США строгие запреты на передвижение, и кто же это отпустит рядовую секретаршу во Флориду?

– But I do know you, – настаиваю я. – Newport Beach, Rock Steady Club?

Она качает головой. Ее волосы уложены в скромную учительскую «корзинку», как будто ей за пятьдесят; она не совсем рыжая, но в волосах есть рыжинка, которая удачно сочетается с веснушками. Похоже, что боги любят тебя, Анечка, но когда тебя делали, то отвлеклись, как советская парикмахерша, которая одной рукой делает тебе укладку, а другой держит телефон, на котором матюкает своего загулявшего жениха.

Дальше в переводе, чтобы не затруднять.

– Пожалуйста, разрешите мне пройти. – Ее голос подрагивает. Еще бы.

– Но я же не могу просто так вас отпустить. – Я отодвигаюсь чуть-чуть, дать ей больше места, но только в нужном направлении, подальше от Икролеса. – Вы девушка моей мечты, я не могу жить без вас, я не успокоюсь, пока вы не станете моей.

– Что вы такое говорите. Вы крейзи. С ума сошли. Я сей-

час позову...

Пауза, в течение которой она убеждается, что звать кого-то себе дороже.

– Дайте я пройду.

– Я пройду с вами вместе.

Все это время я улыбаюсь. Со стороны покажется, что мы ведем светский разговор, делимся сплетнями о последнем сезоне в Марианских Лазнях. Она не устроит сцену. Если устроит, то ее боссы ее же и обвинят: «Что ты такое сделала или сказала, чтобы привлечь внимание этого маньяка?»

– У меня и в мыслях нет ничего не приличного, Анечка, я знаю, что вы приличная девушка, но я немножко экстрасенс, я видел вас во сне, и в этом сне мы были вместе.

При слове «экстрасенс» ее как холодной водой. Под покровом социалистической догмы русские верят в любые приметы; потряси любую комсоргшу – и из нее выйдет все: сглазы, обереги, заговоры, приговоры...

– Вы здесь уже четыре... да нет, три месяца...

Есть.

– Вы из Москвы...

Есть.

– Друзей у вас нет, таких, чтобы потом не надо было отчет писать, от вас же не убудет пойти невинно пригубить чашечку кофе с молодым человеком с достойной репутацией и поболтать о *pa-la-shit-elny he-roii* в «Войне и мире»?

Я разделяваю несчастную русскую фонетику, как бараш-

ка на шашлык, по сравнению со мной JS звучит, как Левитан... я даже начинаю потеть, и что может быть более аутентично, чем иностранец, карабкающийся по долинам и по взгорьям приставок и окончаний этого скалистого русского языка?

– Вы говорите по-русски???

– Очень плохой, и я очень стес-с-сняусь говорить, потому что очень плохой, но я бы хотел пратиковать с вами, если можно. Анечка, мой жизн такой скучный, мой работ такой скучный-скучный...

– А что вы делаете?

– Я весь день сижу в офисе, перевожу всякие дурацкие тексты для государство. Вы не поверите, как это скушно, и я даже не могу ни с кем поделиться, потому что я подписал двадцать пять форм о неразглашении, но это так скушно, я кричу по ночам...

Нет, Анечка не профессионал. Она совершенно запуталась и не скрывает этого, но этот бред должен осесть в какой-нибудь подкорке, в папке «Разное», и в нужный момент может быть задействован.

Мы спустились по лестнице, мы зашли за угол, мы в метрах от двери с надписью «Ladies», откуда выпархивает крупная мулатка: последний испытывающий взгляд в зеркальце, вежливая улыбочка, ослепительные белые зубы, будем надеяться, что она меня не запомнит. Все, исчезла за поворотом, мы одни – я толкаю дверь, я затаскиваю Анечку вовнутрь

и толкаю ее к стене, и мои губы пробегают по ее горячей щеке... ожог.

И обжигаю ее ушко дыханием.

Моя левая рука скользит по ее спине мягко, но настойчиво – тепло – теплее – задержишься на шее – тормози, слишком далеко зашел – в этом вся фишка, не заходить далеко...

Стоп.

Правая рука на верхнем бедре – тепло – тормози, мать твою!

Стоп.

На бумаге это звучит, как первый день в школе комбайнеров.

Но на самом деле все наоборот, ее маленькие твердые грудки упираются мне в грудь, искры летят, прикрой глаза, надвинь шлем, но нет, тут и там сварочные дуги приваривают нас друг к другу, и сердца наши бьются, как отбойные молотки.

Я закрываю глаза и вдыхаю ее волосы – слишком сильные духи, ничего страшного, я куплю ей что-нибудь нежнее Гермес Жан Пату whatever.

– I'll take care of you, – шепчу я, полностью ошарашенный тем, что не могу от нее оторваться вопреки всем правилам безопасности, не можем же мы столько стоять в женском туалете, лишь бы на русский не сбиться. – Я для тебя сделаю все. Позвони мне...

Я креплю клейкую этикетку с номером телефона внутри

ее колготок. Порвутся, новые купим.

NINE

– Я бы не квалифицировал происшедшее как насилие, Джош.

Лицо JC перекошено, глаза как тарелки, дышит тяжело, как рыба. Может, таблетки какие дать?

– Тебе вообще сейчас нужно скрыться, исчезнуть, с глаз моих долой, ненормальный русский секс-маньяк! Как тебя с твоей мафией пустили в страну... *Он бы не квалифицировал!* Полиции будешь рассказывать, когда она подаст на тебя в суд.

– Да никуда она не подаст. Это только в твоей Плющихе это насилие. Во всем остальном мире это считается «оказать знаки внимания».

– В полиции будешь свои дикарские обычаи описывать.

– Ладно, позвони своим друзьям и скажи, чтобы они стерли все упоминания Льюиса Кауфмана.

– Уже стерли. Что ты думал.

– Ну и чего ты расстраиваешься? По мне, так это фифти-фифти. Или она позвонит, или нет.

– Речь идет об обвинениях.

– Не выдумывай. И вообще, хватит ходить туда-сюда. То же мне Ленин в камере. – Я выдерживаю паузу. – Давай поговорим о вещах более интересных. А) Она позвонила. Если меня нет дома, то звонок поступит в телефонную служ-

бу, так что ей придется оставить свой номер, но она этого НЕ сделает, так что она позвонит снова – или не позвонит. Мы не продумали этот вариант как следует.

– Контакт не был предусмотрен! Ты якобы читаешь мысли, фрик русский! Тебе не полагается насилловать секретарш!

– Ну вот, опять расшумелся. Короче, если она позвонит, то мой друг JS *мало-мало помогать*, так? Подготовить место встречи...

– Ты совсем ненормальный. Я тебя знать не желаю, чертов русский лунатик. Иди трахай Эдит.

– Пройдет много лет, JS, и ты скажешь себе: «У меня был шанс завербовать советского дипломата – неважно, что она в самом низу табеля о рангах» – и ты почувствуешь себя самым тупым црушником в истории.

Я выдерживаю паузу и пожимаю плечами.

– ОК, как знаешь, но по крайней мере помоги мне советом: кому мне лучше предложить ее, Моссаду или МИ-6? Ты думаешь, они станут разбираться, как я добился ее благосклонности? Я могу добавить твою фамилию под рубрикой «Автор выражает признательность...»

– Дешевый сарказм тебе не поможет, – устало пробормотал JS. – Ты имеешь какое-нибудь представление о том, сколько опыта и знаний требуется для того, чтобы завербовать иностранца? Удвой цифру для советского и утрой для дипломата.

– Я сказал, что я собираюсь ее вербовать?

– А что ты еще собираешься? Предложить ей руку и сердце?

– Я не так выразился. Ты прав в смысле, что у меня действительно нет ни знаний, ни навыков, ни опыта – я даже ее кошку не смог бы завербовать. Но моя цель – помочь *ей* завербовать *меня*.

Расшумелся, расшумелся... какая полиция, какая секс-атака. Вот ведь что Харварды с людьми делают. Или Колумбийский – один хрен.

Если бы он успокоился, я бы мог объяснить ему, что да, я пошел ва-банк. Потому что девочка действительно теперь приплыла. По правилам она должна доложить о нашем контакте в консульскую визовую службу, и ее посадят на первый рейс в Москву.

Так что к прошлому возврата нет. Если она не позвонит, это означает, что она сидит рыдает на папиной даче. Но если она позвонит, это означает, что КГБ решило вступить в игру.

Да знает он все это. Он просто переволновался. Тургеневская девушка. Совсем мужику в этом Колумбийском яйца отбили.

Двадцать пять форм о неразглашении. Господи, не дай ей забыть про них.

TEN

Прошла неделя. У JS нашелся друган, который пустил меня в свой домик (townhouse) в Джорджтауне, пустующий ввиду подготовки к евроремонту: вода только холодная, туалет смывает неуверенно, листок с планом розеток – какие не включать одновременно, чтобы не было замыкания. Короче, менять нужно *все*, но мне это пофиг. И не на такие картошки советских студентов посылали. Главное – до центра можно пешком. Хотя метро в Джорджтауне нет, говорят – так задумано. Чтобы всякая шелупонь просто так не ездила.

Аня не звонит. Как там дела в Кратове, Анечка, или где вы там элитно дачуете? Дождь поливает, охота отменяется, папа с расстройства нажирается, ходит взад-вперед по веранде и бурчит о том, как он поедет и разберется с пиндосской сволочью. Брр... *баюс, баюс*. Мама уже позвонила насчет работы, устроить тебя училкой в местную ШРМ для слесарей-фрезеровщиков? Куда еще?

Или она еще не решила (сь).

Да как она посмела не поддаться на мои уловки опытного соблазнителя (Казановский универ, красный диплом). КГБ испугалась, подумаешь. Ее молчание наносит сокрушительный удар по моей сексуальной самооценке.

Ладно, всех не соблазнишь. Но сдаваться рано. Что-то случилось в женском туалете Факландского посольства.

Просто она растеряна. И кто бы на ее месте не растерялся: живешь себе, про скейтборды переводишь, и вдруг ба-бах! Такие паруса, и все алые! И на каждом череп и кости! Мечты и кошмары, все в одном флаконе! (Я в роли Мечты; думаю, вы поняли.)

Пора форсировать события.

Но одному мне не справиться.

Эй, JS: ты можешь хотя бы узнать, где она живет?

Вот же русский дурак, оглушенный своим собственным тестостероном: мог бы и сам разузнать вместо того, чтобы волосы нюхать.

У посольства есть дом на Висконсин-авеню. В конце рабочего дня нижние ранги – секретарши и прочие – загружаются в автобус и отправляются на Висконсин. От двери в дверь.

Ну и жизнь. Даже в секс-шоп не выскочишь, батарейки к фаллоимитатору купить.

ELEVEN

Один в поле воин, выхожу на разведку. На автобус садятся внутри посольства, сходят внутри жилого комплекса.

Беру напрокат «Шеви» («Виза» от JC, скрип зубов слышно во Флориде). Пристраиваюсь в зад автобусу. («Постарайся, чтобы было как минимум две машины между вами» – да ты совсем обалдел, малой? В этом трафике?)

Едем по Благден, Тильден, догоняю слева, беспомощно шурюсь сквозь пелену дождя, слава богу, трафик плотнее не бывает. Не видать Аню! Я пытаюсь чуть-чуть подвинуться вперед – и стучаюсь об машину впереди. Даже не стукнул, скорее прикоснулся – хотя шины скрипнули так, что запросто мог быть инфаркт. Давай вытаскивай лупу, найди хоть полцарапины. Хорошие тормоза у «Дженерал моторс»!

Везет мне: «жертва» оказывается нормальным гражданином, лицензированный бухгалтер, CPA, в здоровенных очках в роговой оправе, опаздывает к ужину домой в Сильвер-Спрингс, жена рассердится – не любит разогревать, у сына завтра контрольная по алгебре.

– Это машина моего дяди, – признаюсь я, глядя себе под ноги. – Я одолжил на интервью съездить. Министерство лесной промышленности. Теперь убьет.

Нам не нужны законы и постановления, мы два гражданина в демократическом обществе, мы всегда сможем догово-

риться, тем более когда дождь как из ведра. Мы жмем руки, договариваемся пойти на футбол.

Автобус ушел.

Выпадение в осадок. Все что мне остается, – это купить флягу виски и употребить ее на месте. Обвинения в изнасиловании мне мало? Давай еще подышим в полицейский определитель алкоголя.

TWELVE

– Ты можешь хоть за гребаный руль сесть, чтобы я мог как следует взглядеться, там она или нет?

Обосрался малой. Трус с Плющихи. Весь риск – мне, повышение – ему.

Я потягиваюсь, деланно равнодушно:

– Давай про Рим покалякаем. Как ее звали? Стоп: она откуда приехала, Москва-Питер? Или с местечкового Юга?

Есть.

Ну, раз из местечковых, два варианта: Белла или Жанна.

Есть.

Смуглянка-молдаванка, пылкая-страстная, почти цыганка внешне, так? Ты с вашим психологом эту тему прорабатывал? Должен же был он тебя спросить, занимались ли твои родители сексом при тебе? В миссионерской позиции?

– Будешь хамить, назад в Караганду поедешь.

После двухсот ленивых перепалок мы наконец-то вышли в поле. Правый поворот на Гарфилд, левый – на Висконсин. Давай, давай... наконец-то мы поравнялись с автобусом. Солнечный день, это рисунок мальчишки... и тут же вижу ее, третье сидение за водителем, смотрит неподвижно вперед как робот в документальном фильме – как все они, впрочем. Капиталисты за окном автобуса должны видеть немое осуждение, никаких хиханек и тем более хаханек. Надзира-

тельница сзади? Да зачем им надзирательница, они неустанно все друг на друга доносы пишут.

За дело. Надеваю детскую маску с фальшивым носом и усами а-ля Чарли Чаплин, которую я приобрел в Billy's Toys. Достая игрушечный телефон, корпус и трубка отдельно оттуда же, плюс пластмассовая роза оттуда же, общая стоимость \$5.95 («Вот чек, JC, думаешь, вернут?»). Открываю окно. Подмигиваю девчонкам и начинаю «набирать» номер в самой что ни на есть драматичной манере, типа Чарли Чаплин звонит Эдне Первиэнс.

– Мне его нужно обойти, – JC шипит, – впереди нет никого, нельзя привлекать внимание.

Я выдаю им музкомедию по полной программе: я пою в телефон, я закатываю глаза, я верчу розой, я целую трубку – и девки замечают, хихикают, фыркают, толкают друг друга: «Смотри какой придурок американский! Чо, правда? Да нет, игрушечный! Ты посмотри, что он творит! Обкуренный небось!»

Наконец, она меня замечает. Я приподнимаю маску, чтобы облегчить идентификацию, и помахиваю рукой. Не смеется. Наши взгляды пересекаются. Она тут же отводит глаза, а я, глядя на нее в упор, продолжаю «набирать номер».

Домой, Петрушка. Сооруди-ка мне мартини, да покрепче. Двойной. Да в одну посуду лей, чего там.

Поместил себя под домашний арест. С телефоном на ко-

лене – настоящий, коричневый GE на кнопках – проглотил здоровенную пиццу Meat Monster (обрезки от разделки туши) и запил ее парой «Гиннессов». Телефон сохраняет молчание.

Перехожу к кофе и «Джеку Дэниэлсу». Джек тоже молчит. Листаю весьма посредственный романчик о безобразиях, учиненных казаками в Швамбрании в восемнадцатом веке. И в объятья Морфея. Морфей тоже молчит. Неодобриительно.

THIRTEEN

День второго секретаря посольства СССР Дмитрия Игнатьевича Пронина был полон смешанных чувств. С одной стороны, ЦСКА опять врезал Спартакчу. «Харламов!» Все утро Пронин орал как сумасшедший: «Фир-сов! Ви-ку-лов! Полу-па-нов!» И вприпрыжку ходил по кабинету: «Какие ребята! Золотые ребята!»

С другой стороны, на столе лежало дело сопливки по фамилии Чапайкина. Если бы все делать по правилам, она бы уже была на первом рейсе в Москву. Какой идиот притащил ее на этот мудацкий прием? Старый шпак Михайло, якобы торговый атташе, якобы нуждался в переводчике, как будто американцы жаждут услышать его треп о Калифорнии – да какого хрена он там делал? Я одобрил включить его в делегацию? Когда Центр начнет расследование, придется вертеться только так, Дмитрий.

Короче: тупую пизду Аньку пытались завербовать ЦРУ. Какая-то полная чушь, бред, околесица. Как она попала в посольство, незамужняя? Ей место в консульстве в Нью-Йорке, полицейские штрафы за парковку в папочку собирать. Опять в кадрах бардак!

Что она могла дать противнику? Ноль! И он с самого начала следил за тем, чтобы у нее не было доступа ни к чему, потому что она получила свое место по большому благу. Ес-

ли бы не ее папаша, старый пердун герой войны Василий Чапайкин, точить бы ей карандаши и считать скрепки на Смоленской до самой пенсии – или до замужества, что более вероятно.

У Пронина с Чапайкиным было о чем поговорить. Например, об Аниной маме, красавице Полине, с большими мечтательными карими глазами и белокурой копной волос; оба заметили ее на танцах в Центральном доме офицеров, оба пригласили ее на тур вальса. И Полина уже была его, она была без пяти минут Полина Пронина; о, когда ее обтянутый крепдешинном зад входил в его заскорузлую ладонь – что могло сравниться с этим! Да плевать ему, что Чапайкин за- таил на него! Подумаешь...

Оба служили в «Смерше», добросовестно истребляя вышедших из окружения терпил, которых немцы наверняка уже завербовали в диверсанты. А до этого Пронин обратил на себя внимание начальства в качестве командира заградотряда, поливавшего огнем отступавших красноармейцев. И сейчас Пронин задействовал старые связи и проверил Полину по каналам. И все! Сама Полина была из рабочей семьи, все на месте, но ее дядя по матери был, скажем прямо, неустойчивый кадр. Украинский националист! Пять лет в Соловках! Вышел по амнистии в 53-м. И кому какое дело, будь Пронин слесарем в Могилеве, но о карьере в органах с прицелом на дипслужбу с таким родичем пришлось бы забыть.

А что Чапайкину, он на десять лет старше, его карьера уже подходила к концу, он грел место, чтобы удалиться на пенсию и всерьез заняться рыбалкой – и вот так-то Полина и стала гражданкой Чапайкиной, и кровоточащая рана открылась в сердце Дмитрия Пронина. Да нет, со временем она затянулась, время в этом деле профи... но вот теперь дочь Василия и Полины сидела у него в кабинете вся зареванная, и ее судьба была в его, Пронина, руках.

Но прежде следовало разобраться с кадром из ЦРУ. Станный он был. Не вписывался. В списке приглашенных его фамилии не было. Пронин выщеганил одну фотку с ним с камер наблюдения в Бакваттенландском посольстве, и выглядел он... вот *что* он делает? Входит в кабинку в мужском туалете, достает странного вида самокрутку (неужто на «Мальборо» денег нет?) и запаливает, причем дым пускает в фортку. ЗАЧЕМ он пошел в кабинку? Курение разрешалось везде в здании посольства!

– Как у него изо рта пахло – табаком?

Аня шмыгнула носом.

– Вообще-то нет. Какой-то очень странный запах. Я никогда такого не нюхала.

Неохотно, но Пронин позвал второго зама Владимира Тупкина – он был главным по линии КР, это было по его части. Тупкин пожал плечами и признался, что да, все это выглядело странным. Потом он попросил увеличить кадр с сигаретой и сказал, потупив глаза:

– Похоже, это могла быть сигарета марихуаны. Каннабис.

Пронин ахнул:

– А ты откуда такие вещи знаешь?

– Кино смотрел, – пробормотал Тупкин. – Детектив. Черные курили такие сигареты.

Пронин недоверчиво хмыкнул. Черные были сплошь наркоманы, это все знают. Но и Тупкин запросто мог туфту погнать ради повышения. Хоть это был и рискованный ход – выдвинуться на знании наркотиков.

Голова шла кругом. Ситуация безнадежно запутывалась. От ЦРУ можно было ожидать любой засады, это ясно; но, как любое госагентство, они соблюдали правила и набирали исключительно чистеньких мальчиков из престижных колледжей. Чтобы ЦРУ взяло наркомана – и не на роль второго плана, подставить кого-то или дать показания в полиции, – а для вербовки??? Что может быть важнее в разведработе? Но кто же это будет пытаться завербовать секретаршу, с которой абсолютно нечего взять? А что это была за эстрада перед посольским автобусом? Это из какого-такого учебника шпионажа?

Может, и не стоило отсылать Чапайкину домой. Может, что-то в этом есть такое.

К тому же как это будет выглядеть в Центре? Конечно, Василий будет рвать и метать – его дочку отослали назад после всего лишь трех месяцев, – и это будет музыкой для ушей Пронина, почти как Харламов, забивающий «Спартак» оче-

редную шайбу. С другой стороны, Чапай был товарищ мстительный и сопли не утрет, и не успокоится – нет, он будет искать козла отпущения, и он, Пронин, будет весьма удобным кандидатом. Разумеется, ничего у Чапая не получится, кто будет слушать старпера с рыбалки; но за каждым срачем остается след – у Чапая были друзья, у Пронина были враги, кто знает, как карта ляжет?

О попытке вербовки надлежало доложить немедленно, ясное дело, и последнее слово в судьбе Анки-секретарши принадлежало Центру, но к мнению Пронина начальство прислушается, резидент все же.

Пронин прокашлялся и выжал из себя отеческую интонацию:

– Давай начнем сначала, Анечка. Попытайся вспомнить каждое слово – и интонации тоже.

Благодарность в лице девушки могла расплавить самый твердый камень. После диких воплей Пронина за пять минут до этого его слова прозвучали как музыка для девичьих ушек.

– Он сказал, что весь день переводит бумаги для государства и что это очень скучно, но он не мог об этом говорить, потому что он подписал тридцать пять форм о неразглашении...

– Да, но *как* он это сказал? – Пронин воткнул лезвие и повернул его. – Что он делал в это время?

– Я... я... не помню... – Аня судорожно проглотила слю-

ну. – По-моему – я не уверена – по-моему, он меня трогал за... за заднее место. – Она опять всхлипнула.

«Совсем у нее глаза не как у Полины», – подумал Пронин; и тогда он понял, как именно он поквитается с гадом Васькой.

FOURTEEN

У меня позвонил телефон. 9:05 на световом дисплее. Все ясно. Гребаный чекист так возбудился от информации об американском секс-маньяке с двадцатью пятью формами о неразглашении, что уже не мог подождать обеденного перерыва. Мог бы по крайней мере создать видимость, что Аня вышла на улицу и звонит тайком из автомата с глубокими вздохами под тяжелые удары сердца – от страха быть раскрытой. Но данный старпер театральных школ не кончал; он был так нетерпелив, что позвонил мне первым делом поутру, прямо в разгар моего похмелья. Гребаный комуняка.

«Моя голова весит тонну, – повторил я, как мантру, – но зато в моих венах арктический лед».

– Доброе утро, дорогая. Как вы себя чувствуете?

– Мистер Льюис...

Это то, что я написал на карточке.

– ...я вам звоню...

«Чего же боле?»

– ...с просьбой прекратить ваши выходки. Что вам от меня нужно?

– Да я просто хотел увидаться. Вы что, голливудская звезда? В чем дело-то?

– Но я не хочу видаться с вами. То есть я не могу увидаться с вами.

Только что я издевался над чекистом-кукловодом за отсутствие воображения, но теперь я беру свои слова обратно. Есть у него воображение, но он его неправильно употребляет. Сценарий с красной девицей и американским ловеласом – явный перебор.

– Если бы только вы могли мне сказать это лично.

– И если я на это не пойду?

– Тогда мне придется в окне машины вывесить большой плакат: «Аня, я не могу жить без тебя». Вот уж вашим сослуживицам будет, о чем поболтать. А еще я достану большой пистолет и приставлю его себе к виску.

Пауза. Пиндосская наглость переходит все границы. Без визы и паспорта.

– Вы знаете, что я на это способен.

Пауза. Соповещение на высшем уровне? Звонят в Москву: «Что дальше говорить»?

Придется помочь.

– Вы любите итальянскую кухню? Недалеко от посольства есть уютное итальянское кафе под названием «La Bella Sicilia».

– Я не собираюсь с вами обедать. Я увижусь с вами ровно на две минуты. И даже не думайте ни о чем другом.

Господи, как же дрожит ее голосок. «Он ее за муки полюбил». Весь штат КГБ, включая поваров и уборщиц, стоит вокруг нее, внимая каждому ее слову.

– Ладно, обойдемся без макаронников, вы меня убедите.

ли. Встретимся в парке? Парк Симона Боливара, ближайший к посольству. Через два дня, в обед. Я сделаю вам замечательный бутерброд – бутерброд с любовью, не считая настоящий jamon из Толедо под вкусняющим перуанским соусом pendejo.

– Я же сказала: никаких обедов!

– Как можно говорить о любви на голодный желудок?

– Судья открыл счет, JS. Время пошло, камрад. Пора поделиться с твоими боссами. Со всей твоей босса-новой.

Молчание. Чреватое и многозначительное.

– Я тебе перезвоню, – говорит он с притворно-беспечным выражением «как дела, поедem в клуб, шарики погоняем, а потом по паре пива».

Но меня не проведешь, по крайней мере, на этой мякине. Я знаю, что его сердце бьется как мотор «Ламборгини» на Гран-при. А мое еще быстрее.

FIFTEEN

Разумеется, Джош уже поднял тему Леонида, тут же после контакта в посольстве. Он был не настолько уверен в себе, чтобы действовать по инструкции и рапортовать непосредственному начальству в Лэнгли. Инспектор Нэш был бюрократ до мозга костей, который относился к своему посту с максимальной серьезностью и уважением и добивался того же от своих подчиненных. Среди которых был не один Джош Конкорд – юнцы, которые опростоволосились в других местах, и теперь отбывали наказание в форме бесконечного перебирания бумаг, где на одну страницу дела приходилось ста страниц бюро-белиберды. Но именно на этих ста страницах и стоял весь военно-промышленный комплекс. Заветная страничка только смущала профессиональных бюрократов и раздражала своей незаменимостью. Если бы Джош доложил Нэшу о Заксе, его реакция была бы: «Зачем вам это, Конкорд? Вам не нравится ваша нынешняя работа?»

Поэтому Джош предпочел пойти по горизонтали – к директору отдела контрразведки, о котором он ничего не знал. А дорога к нему лежала через его бывшего начальника Пейсера. К моменту расставания у Пейсера создалось не особенно высокое мнение о Джоше. Ну что можно сказать о сотруднике, попавшем в банальнейшую советскую медовую ловуш-

ку? Время лечит раны, но с презрением дело хуже.

– Ну что, хочешь взяться за старое?

Пейсер разглядывал Джоша с выражением настолько загадочным, что тот чуть не заплакал от досады: *Приди же, Леонид! Прочти мне, что на уме у этой заразы плиз-з-з!*

Пейсер слушал Джоша и кивал. – Ну что же, интересно. Но главное то, что я рад, – что-то человеческое блеснуло за толстенными линзами его очков, – я рад, что ты не ходишь обозленный на весь свет, что ты не сдаешься, что ты пытаешься вернуться. Если из этого что-нибудь выйдет – неважно, большое или нет – я думаю, что тебе надо дать еще один шанс. Рим ты второй раз не потянешь. Знаешь насчет вхождения второй раз в реку? – Он чуть придвинулся к Джошу. – Я сам немножко буддист, знаешь. Мне кажется, что все, кто был во Вьетнаме, подсели на это дело. – Отстранился, как будто сознался в чем-то постыдном. – В любом случае не рассчитывай, что сразу тебе все на свете будет. Твой Лео звучит не просто многообещающе – он звучит как полный фрик, даже для русского эмигранта, и среди этой публики фриков хоть отбавляй.

Начальник КР Рэмблер по дереву не растекался.

– А что, давай, тащи своего подопечного. Посмотрим, чем он дышит. Прошлые контакты – все на свете. Пару сессий с психиатром, учитывая его претензии по этой части. Может до года занять. А ты как думал? Порядок один для всех.

Реакция Леонида была предсказуема:

– Никаких проверок. И не пойду я на встречу с твоим Рэмблером-Штемблером. Ты мой куратор. Твой ЦРУ доверху набит советскими шпионами. Американцы как англичане, только больше. Если у тех была «кембриджская четверка», то здесь наверняка есть «гарвардская восьмерка».

– «Кембриджская четверка» была сто лет назад, зачем ты к ней цепляешься?

– Ничего не было сто лет назад, прошлое всегда с нами! При первом же сигнале тревоги разведка избавляется от фриленса – так? В каждом кино одно и то же! Шпионаж – это те же шахматы, всегда приходится жертвовать фигуру! В лучшем случае пешку, а если надо, то и ладью!

SIXTEEN

Джош покачал головой. Только русские живут этими шахматными метафорами.

Леонид был параноик – как и все его соотечественники. Но как штатское лицо его можно было понять: ни один голливудский фильм про ЦРУ не обходился без шаблона, когда куратор жертвует своим агентом ради спасения более высокопоставленного агента или же ради неких смутно обозначенных государственных интересов («проклятые вельможи!»). Как правило, герой-црушник испытывал сочувствие или даже терзался муками совести при мысли, что придется сдать своего друга Бориса, искреннего патриота кантри-джаза и виски «Джонни Уокер Блэк», а также источника неуклюжих шуток о КГБ, которые куратор с большим смаком пересказывал коллегам за стаканом все того же Дж. Уокера. А уж если речь шла о женщине-агенте, тут вообще куратора ждали бессонные ночи и потные простыни. И, разумеется, потеря агента была той самой экзистенциальной частью взросления куратора и, может, даже оборачивалась парой морщин / седых волосков, которые впоследствии сделают его таким неотразимым для женского пола. Джош был вынужден признать, что этот образ привлекал его своим внутренним трагизмом.

– Вот что мы сделаем, – Лео давал указания; – ты мне

дашь опросить и «прочесть» каждого сотрудника Агентства, которому ты меня покажешь. И никто другой не должен знать мои данные. Ты сделаешь мне оперативную легенду, другую фамилию, все документы и прочее...

Каждое слово падало кирпичом на голову бедного Джоша. Первое правило профессионального кодекса гласило: «Вы контролируете источник. Вы не даете источнику контролировать вас». Иметь дело с Леонидом было сплошным альпинизмом без страховки.

И опять Джош чувствовал, что застрял посредине. Конечно же, и Пейсер, и Рэмблер были правы: правила есть правила, если их не соблюдать, получится цыганская свадьба, а не разведывательное агентство. И в то же время аферизм Леонида неудержимо привлекал к себе Джоша. Непонятным образом он воплощал именно тот дух приключения, который изначально привел его в Агентство.

Зачем он поступил в ЦРУ? Хотел показать своим англосаксам – одноклассникам в Плющевой лиге, – что еврей из Нью-Джерси мог быть рыцарем плаща и кинжала? Его семья была не то чтобы против, но восприняла его решение с некоторым недоумением.

– Династия Конкордов не блещет славной военной историей, – сказал Конкорд-старший, профессор истории искусств в университете Ратгерс. – Я слышал, что некий Конкорд занимался поставками сапог армии Севера во время Гражданской войны, но подтвердить это документально...

Судя по его выражению, он предпочитал бы иметь других предков, но что делать – еврейско-американских художников в девятнадцатом веке вообще кот наплакал.

– Это не совсем военная специальность, – сказал Джош. – Я не собираюсь прыгать в джунгли с вертолета.

– Я не уверен, что все это значит, – сказал отец. – Постарайся никого не убивать без особой нужды.

– Ирвинг! Что ты несешь! – воскликнула г-жа Конкорд. – Он должен стараться, чтобы *его* не убили.

С одноклассниками из Колумбийского Джош делиться не собирался. Во-первых, секретность; во-вторых, они были бы в ужасе. Он сделал исключение для Нормана, который уже был на Уолл-стрите и понимал «во-первых».

Норман согласился

– Не поймут. Вьетнам, демонстрации – все это слишком свежо. Подожди, все эти революционеры окольцуются, заведут детишек, переедут в пригород – они еще тобой будут гордиться. Будешь отбиваться от приглашений на свадьбы и годовщины. Но если передумаешь, я тебе могу организовать местечко в «Шерсон», стажером-брокером. Все равно либералы тебя на пушечный не подпустят, так хоть бабки зарабатываешь.

Может, он был и прав. Но ближайшее будущее выглядело смутно и непонятно. Связался с русским аферистом вроде Леонида – держи ухо востро. Завтра он наобещает советским компромат на Никсона в Уотергейте, и что с этим делать?

Джош горестно покачал головой и нацедил себе еще один джин-тоник. *Не стоит тебе полагаться на твой инстинкт, старик; он тебя уже подвел под монастырь.*

SEVENTEEN

Вот что произошло в Риме: Джош влюбился. Или это была не любовь. Но и просто «туда-сюда» это не назовешь. Чувства были.

Он действительно интервьюировал советских эмигрантов на предмет въездной визы. Это была не самая увлекательная работа на свете. Семён, Борис, опять Семён – сплошные врачи-инженеры-завмаги, тридцатилетние, выглядывшие на пятьдесят пять, и сорокалетние на все семьдесят, преждевременно состарившиеся под двойным бременем антисемитизма и лишения мацы. И тут он встретил Жанну.

До Жанны он знал только американских девушек. Все они излучали оптимизм, уверенность в себе и в минуту могли вспыхнуть пламенем феминизма, если ты пытался открыть им дверь или помочь спуститься со ступенек. Его это не смущало – они были верными друзьями и отличными партнерами на утренней пробежке, – но чего-то не хватало. Может быть, он подустал от вечной бдительности: как бы ни была безупречна его биография из политкорректнейшего Колумбийского универа, за собой нужно было постоянно следить на предмет нечаянного выражения мужского шовинизма. Все же он был на государственной службе, а не чернорабочим на свалке, и государство карало за такие проступки по всей строгости. В Европе он чуть расслабился: волоокие

итальянские секретарши флиртовали беззастенчиво, но он не знал, что с этим делать. Секс на работе был строго запрещен, так ведь? Хотя в то же время...

И тут пришла Жанна. Джош попал в машину времени: ее тугая смоляная коса, ее застегнутая до подбородка накрахмаленная белая блузка, ее длинная юбка с рюшами – он не мог выбрать, которую из его восточноевропейских бабушек она напоминала. Она говорила тихо и неуверенно, как человек, не привыкший к жесткой действительности эмиграции. После интервью он вышел в коридор; она еще не ушла.

– May I ask you question? – спросила она. Похоже, что вся ее смелость ушла в одну эту фразу.

– Конечно. Спросите. Можете по-русски. Вы меня понимаете?

– О да, извините... я просто забыла. – Она проглотила.

– Вы не должны волноваться.

– Ну, знаете... – Она глубоко выдохнула. – В еврейском агентстве мне сказали, что мне нужно выбирать между Кливлендом и Детройтом. Но я о них совсем ничего не знаю. Как вы думаете, который из них лучше? Для одинокой девушки?

У него сердце ёкнуло. Это субтильное существо в Детройте?

– Непростой выбор, – признал он.

Все еще не поднимая глаз, она сказала срывающимся голосом:

– Я просто не знаю, как мне дальше жить.

Абсолютно во всем Жанна была полным антиподом западной женщины: она отказывалась даже выйти на балкон с чашечкой кофе без того, чтобы накраситься и отгладить блузку и юбку. Она не садилась обедать без супа. Она придерживалась правил строже, чем пол-ЦРУ: если поезд отходил в 11, они должны были стоять на перроне не позже 10, иначе истерика. Ей было двадцать пять, но вела она себя на все пятьдесят. И все это не имело никакого значения, потому что с ней он чувствовал себя так, как никогда не чувствовал себя ни с одной Дженнифер или Тиффани. Мчались ли они по автострате Дель Соле с опущенной крышей...

...вообще-то не «мчались».

– Подними крышу! У меня прическа! Два часа завивалась! И сбавь скорость! Ты меня уже убить хочешь?

От страха у нее даже акцент менялся. Она звучала скорее, как еврейские комики из Бруклина.

...или прогуливались как светские лев и львица с бокалами «Беллини» вдоль озера Комо.

– Может, вовнутрь пойдём? – Жанна зябко вела плечами. Почему-то природа ее не особенно впечатляла.

...где бы они ни были, он чувствовал себя элегантным Кэри Грантом в черно-белом фильме, который вводил эту очаровательную маленькую Золушку в мир гламура, который Старый Свет предоставлял с наигранной улыбкой – пока прокатывалась карточка «Американ Экспресс».

А в постели – о! в постели! Ничто в его скромном прошлом на Морнингсайд-Хайтс не подготовило его к таким вулканическим порывам страсти. Волосы, кругом были волосы – подмышкой, на ногах, и ее орган, что открывался как Эльдorado в джунглях Амазонки! Он не привык к такой волосатости, но оно того стоило, потому что ниже пояса он забывал свое прошлое американского пригорода и превращался в Фернандо де ла Пинче, конкистадора с двадцатью сантиметрами горячего свинца между ног и дирижера концерта Чайковского, который она выдавала ему изо всех скрипок-гобоев, в то время как их постель угрожающе трещала, как вулкан Этна перед извержением.

Пока как-то вечером в их комнату не ворвались два мужика и направили на него стволы и щелкнули фотку. Как раз когда она держала его во рту. Даже если бы у него был «Глок» под одной подушкой и «Кольт» под другой, в этом состоянии он бы вряд ли смог их достать.

- Мы пошлем фото вашей жене!
- Но я не женат, – прошептал Джош.
- Вас зовут Джо Конрад!
- Вовсе нет...

Он пришел в себя с огромной шишкой на голове. Комната была пуста, и Жанны тоже не было, как не было его паспорта, и его бумажника, и кожаной куртки, которую он купил после ее увещеваний на Виа Монтелеоне за «лучше не вспо-

минать» и почему-то даже ручки («Паркер») ... Кто такой Джо Конрад?

А еще он с грустью подумал, что, наверное, до конца жизни перед сексом будет проверять, не собрала ли женщина чемодан.

EIGHTEEN

Компромисс:

1. Леонид и Анна встречаются между 12:15 и 12:30 на площади Симона Боливара, мини-парк в пяти минутах ходьбы от посольства.

2. Опергруппа ФБР, действующая совместно с представителями других агентств под началом ЦРУ, будет развернута для проверки места перед встречей.

3. В случае попытки киднеппинга Леонида будет применена сила.

4. Леонид не будет пытаться изнасиловать Анну.

– А поконкретнее можно?

– Ты не будешь хватать ее или насильно держать ее физическим образом. И сотри эту идиотскую ухмылку с лица.

5. После контакта Леонид прошествует пешком к вокзалу Union Station и сядет на поезд, идущий в Нью-Йорк. Опергруппа попытается установить, ведется ли за ним слежка.

6. Леонид оплатит бутерброды и напитки из собственного кармана без ожидания компенсации.

На последнем пункте я настоял лично.

JS кивнул одобительно:

– Наши бухгалтеры полюбят тебя. Далек пойдешь.

Затем добавил:

– Независимо от того, обнаружим мы советский хвост или

нет, мы обязаны вести себя так, как будто он есть. Ты понимаешь?

– Что тут не понять. То есть мы не можем встречаться вот так, как сейчас.

JS дал мне список потенциальных мест встречи с кодами и инструкциями для входа.

Вдох-выдох. Вроде как все по-настоящему. Наконец-то я играю в Лиге «А».

NINETEEN

Я обозначил день встречи с Аней как V-Day; JC поморщился. Подумаешь, святое оскорбил, как будто у него вся семья, включая тетю Цилю, в Нормандии высаживалась. Тряся я, как кленовый лист – да нет, как целый клен, целый лес, целая Канада трясущихся кленов.

Завтрак был прост и функционален: яйцо в мешочке, тост из хлеба с грецкими орехами («Чего только не придумают, – подумал я, – чтобы лишнюю буханку продать!»), кофе со сливками. Чистый английский лорд. Хотя в отсутствие верного дворецкого кофе я сделал сам и поставил посуду в раковину. За кофе открыл «Вашингтон пост». Никсон неудержимо катился вниз. Ясное дело, раз показал слабинку, демы будут дожимать, какие компромиссы в политике. Но в целом для меня это ничего не значило. Вот выход нового фильма Поланского «Chinatown» – это да! Хорошо бы с Анютой. На последнем ряду, эх. Пусть смотрит, пусть знает всю правду, как ужасны американцы и по контрасту какой замечательный у нее ухажер. По сравнению с персонажами Поланского я был святой. Да и вообще ей не мешает усвоить пару вещей о сексуальности.

Внешне я собирался представить себя образцом скромной добродетели: темно-синий костюм из May Co (\$70, после одного раза можно и вернуть, лишь бы пятно не поставить);

под ним рубашоночка небесной голубизны оттуда же (button-down, она же «баттон», как мы по ним умирали в старой жизни!) и галстук в приглушенную полосочку от JC. «Подарок, – говорит, – у меня их девать некуда, в Америке на Хануку или галстук, или свитер». Я кивнул с сочувственным выражением; галстук взял, а «Хануку» потом посмотрел в справочнике. Сколько же надо всего еще учить.

Короче, скромненький такой клерк. Все безукоризненно чистое и чуть-чуть помятое. Вот такой сложный образ: в целом опрятный, но в состоянии эмоционального смятения, вызванного доселе неизвестным порывом чувств.

Следующее: аккуратно подровнял усы и бороду.

– Я всегда хотел усы а-ля запорожский казак, – признался я JC.

– Ни в коем случае, – сказал он. – Слишком резкий поворот. Если ты не привык к гриму, сократить до минимума. Хочешь длинные усы, отращивай на здоровье, но ради бога не пытайся ничего приклеить.

Дальше: модные очки с большими линзами без диоптрий, и угольно-черный парик за \$50 (JC знать не обязательно), чуть растрепанный – опять же от смятения (см. выше).

Если чекисты припрутся – и мы были обязаны допустить, что припрутся, – они будут снимать нас на пленку, так что следовало принять предосторожности. К счастью, топография парка вынуждала их снимать из кустов, так что мы могли обойтись без подводки глаз и накладных морщин.

– Ты что, пятидесятилетний старик, чтобы одеколоном душиться? – спросил JS. – Я за тобой такого не замечал.

– Аня из России, – сказал я. – В России все мужики употребляют одеколон. Приличные им брызгаются, неприличные его пьют.

– Я никогда не знаю, когда ты шутишь, – сказал JS печально. – Мне-то, может, и все равно, но в будущем для тебя это будет создавать проблемы.

«Мне ли не знать», – подумал я.

Не все было гладко. Одеколон выбирать я не привык, поэтому общение с Бру-у-усом в универмаге «Мэйсиз» удовольствия не доставило.

– This is so *ni-i-i-ice*. – Чуть на голову не залез со своим пульверизатором. – Ну понюхайте же. Это же так по-мужски. *Leather*. Ко-о-ожа. – Он закатил глаза. – Я прям с ума схожу.

Я уже понял, но кто я такой, чтобы судить гейские манеры по своим «нормальным» критериям.

– Типа ковбой, только без пота, так?

– Н-н-ну да... – Бру-у-ус обольститительно (по его мнению) захихикал. Того и гляди, номер телефона в руку сунет.

– Не слишком сильно? Я же не ковбой, мне запах конюшни перебивать не надо.

– О-о-о... вы меня прям душераздираете своим юмором. Как насчет «Иссеи Мияке»?

– Самураи вообще не потеют, я слышал.

– Ой, я больше не ма-а-агу-у-у...

Я тоже. Гребаный одеколон. Истратил вдвое больше, чем планировал. Вообще надоел мне весь этот шпионский бизнес с этими бру-у-усами.

А вот цветы я всегда любил. В России выбор цветов для свидания (не путать с каллами в загсе) был невелик: розы на рынке с Кавказа по эльбрусским ценам, идеологически правильные гвоздики («спутница тревог»), растрепанные васильки-ландыши у бабушек возле метро. Все они были только в сезон, то есть далеко не всегда, скорее даже почти никогда. В Америке, как и ожидалось, ситуация с цветами была та же, что и с моющими средствами: было почти все и почти всегда, и необходимость выбора валуном обрушивалась на мои избалованные дефицитом слабые социалистические плечи. От JS толку не было. Он вообще был против цветов: «Слишком радикально. Спешись».

– Не понимаешь ты русских женщин. – И поспешил добавить, с притворным сочувствием: – Извини, не имел в виду соль на рану.

Я выбрал скромный букетик тюльпанов. Так же нежно-розовы, как и розы, и так хрупки, что боишься дышать на них. Только что открылись. Девственность а-ля карт.

Зашел в закусочную, взял два бутерброда с ветчиной и сыром. Ане на булочке (наверняка она думает, что белый хлеб лучше), мне на ржаном, два пакетика с чипсами и запить одну кока-колу и одну пепси – все спокойные, безопасные ва-

рианты. «Дели» предлагало разнообразнейшие варианты такой вкуснятины, как салаты с тунцом и с курицей и даже с крабами, но они были в пастообразной форме, как паштет, и с большими комками; чтобы их потреблять на парковой скамейке, Ане придется сосредоточиться на том, чтобы бережно держать булочку и осторожно откусывать, чтобы не дай бог кусочек не отвалился прямо на платье, что будет Большим Конфузом, не дай бог подумает, что я заказал их нарочно... нет, мы выбираем Надежность. Гурманство подождет.

Насчет испанского хамона я пошутил, ну вы поняли.

Все. It's showtime.

TWENTY

Ровно в 12:10 я располагаюсь на скамейке строго в центре парка, на максимальном удалении от кустов и прочих съёмочных позиций. Место для меня сберег унылый пожилой персонаж в кустюме и шляпе из черно-белых фильмов.

Ждать не пришлось. Она появляется через ровно пять минут. Пунктуальность – вежливость КГБ.

Она одета в скромный жакет cardigan, какой девушки в ее возрасте носили лет двадцать назад, и клетчатую макси.

Какое надругательство! Я знаю, что у нее потрясающие ноги! Неужели я ее так напугал, что она боится, что я ее завалю прямо здесь на скамейке! Не может быть – этот ансамбль был выбран чекистскими «консультантами по моде». По крайней мере, она хоть волосы немножко отпустила, иначе я начну обращаться к ней «Анна Петровна» и виниться, что я забыл домашнюю работу дома.

Читать ее мысли нет нужды. Все детали на лице. Она провела два дня в подготовке к нашей встрече – в аду. Я ощущаю укол вины, от которой срочно нужно избавиться.

– А-нечка, я так рад, что вы пришли.

Я беру ее за руку. Пульс у нее – впору скорую вызывать.

Вместо этого я протягиваю ей тюльпаны.

– Вот этого не надо, – шепчет она, не поднимая глаз. –

Это... неуместно.

– Конечно нет. Я вообще магистр неуместности. Скажите, вы легко нашли этот парк? У вас сейчас обеденный перерыв, так? Вы сказали вашему начальнику, что вы встречаетесь с местным?

– Не-е-ет. – Она вздыхает так тяжело, как будто три круга пробежала вокруг парка.

Я чешу свой парик. На скамейке у входа JS получает сигнал: «русские имеют быть, так точно». Игра идет.

Меня обуревают жалость к А-нэчке. На секунду я смолкаю, мы сидим молча, и затем я протягиваю ей запотевшую холодную бутылочку кока-колы». И пепси. Она выбирает пепси и еле слышно бормочет спасибо. (Мог бы и угадать: в Союзе пепси подают в эксклюзивных барах. Раунд за пепси.) Если бы ЦРУ снимало нашу встречу, мы могли бы запустить клип как рекламу пепси, и счастливо жить на гонорары, и умереть в один день.

Я затаиваю дыхание и легчайшим жестом трогаю ее подбородок, чтобы она посмотрела мне в глаза. Она не дергается, жест ей знаком из французских фильмов, этих учебников для советских правил ухаживания. Мы сидим и смотрим друг другу в глаза. Прощайте, правила шпионажа. Опергруппы ЦРУ, КГБ, Моссада, ВДНХ – все на Марсе. Здесь только мы одни. *Под развесистым каштаном завербовали средь бела дня – я тебя, а ты меня.*

– Так что же вы все же делаете? – Она говорит тихо, как бы читая из методички, которую ей составил и выучить заста-

вил ее полковник, или кто там: «Ты должна узнать, где он работает!»

– Я вам все расскажу, – говорю я со всей мягкостью, на какую способен. Я не могу ее «читать» за сплошной пеленой страха, который от нее исходит. – Я обещаю, что я от вас ничего не скрою.

На секунду ее маска опускается на миллиметр, и я ласточкой прыгаю в эту брешь – блестящий прыжок без единого всплеска, судьи показывают десятки... и, наконец, я вспоминаю, где я ее видел.

TWENTY-ONE

Кафе-мороженое «Метелица» на Новом Арбате. Бомонд в сборе: от студенток МГУ, жадно наполняющих табачным дымом свои цыплячьи легкие, до теток из Пензы и Сызрани, наслышанных о красивой жизни и выдохшихся от беготни по ГУМам-ЦУМам за польскими плащами. Были и шлюхи в поисках командировочных, которые не попали в ресторан «Арбат» или же были отпугнуты ценами и теперь забились сюда по ошибке (ни водки, ни котлет, а только коктейль «Ракета» и мороженое «Ленинское»). Были кавказские люди в больших мужских компаниях, отпускающие комментарии в адрес проходящих фемин и с нечеловеческим усилием сдерживающие себя от физических действий. Была и фарца, естественно, красуясь в трофейных шмотках, щелкая зажигалками Вис и угощая шалав «Филип-Моррисом» из коричневых пластиковых коробок, – о, круче не бывает! И все, все они сидели с томно-презрительным видом, посасывая через соломинку приторнейшие «коктейли» «Ракета» или «Шампань-коблер», где на кило сахара приходилась капля алкоголя. Если кто еще живой, у всех диабет.

А что я там делал? Я как всегда, а что такое «как всегда»? Я искал ее, одну-единственную – скажем, выпускницу Томского пединститута, с глазами, сияющими как лучи солнца в майский день, и смехом мелодичнее моцартовой флейты,

и душой такой чистой и незатронутой всем этим дерьмом... когда кафе закрывалось, я иногда уходил с кем-нибудь – например, с Женечкой, которая верила в романтические чувства не больше, чем в снежного человека, реагировала на меня хриплым прокуренным смехом и ложилась со мной, потому что надо быть с кем-то рядом, и она знала, что *я ее не обижу*. Что бы ни. Если бы только она столько не курила. Но все дымились, как мартеновские домны, особенно когда были «Мальборо» или хотя бы индийские: продвинутость нуждается в демонстрации.

В «Метелице» всегда были красивые девочки, но Аня Чапайкина выделялась еще как. Как она вышагивала к танцпятачку; где там Дому Моделей. Ничего на ней не было *такого*: просто обтягивающая алая юбка (впоследствии я узнал, что это творение «Диора» именуется «карандаш») и светлая рубашка «баттон», но все это было явно несоветского происхождения, и на ней выглядели естественнее некуда – не по «Метелице» вышагивала она мимо цокающих языком золотоzubых кавказцев, а по Амстердаму, по Милану... Она шла прямо по канату, по незримой черте между шлюхой и сексуальной девушкой – черты, по которой все хотят пройти, но мало у кого это получается.

– Нравится, да? Особенно это выражение ее: фу-ты ну-ты, ноги гнуты...

Женя была по-своему права. Аня действительно смотрела на мир сверху вниз, но я это видел по-другому: она боя-

лась запачкаться. Принцесса на окраине: каждую минуту какой-нибудь козел мог сунуться волосатой рукой в разрез ее юбки или по крайней мере уронить на нее мороженое.

Пока я лениво проигрывал в голове варианты подхода, Женя уже сбегала к подруге за соседним столиком и принесла в клювике готовое досье.

– Не по Сеньке шапка, чувак, – заявила она с противной ухмылкой. – Моя подруга Ленка Сечина с ней в школе училась. Говорит, ее папаша – большая шишка, типа генерал КГБ, а ходит она в МГИМО, а ты невыездной – сиди и не рыпайся!

«Генерал КГБ, ага», – хмыкнул я. Послушать баб, на каждом углу генерал КГБ из черной «Волги» вылазит. Впрочем, нет дыма без огня. Не генерал, так полковник. Знавал я мгимошников; они таких, как я, на пушечный выстрел. Эти юнцы живут с сознанием собственной избранности и одновременно в состоянии постоянного страха, что с ними случится что-нибудь такое страшное, что папиного положения не хватит, чтобы их вытащить, – и адье, Парыж, здравствуй, Улан-Батор!

И я не стал рыпаться.

Так что Аня меня не видела. Она вообще никого не видела. Все, что она видела, были сияющие огни Нового Света. Она не знала, что ее жизнь сведется к шаттл-автобусу из посольства в общагу.

TWENTY-TWO

Как было договорено, после ланча с Аней я поперся на «Юнион-Стейшен», чтобы дать возможность группе прикрытия подтвердить наличие русского «хвоста». Я был обязан вести себя так, как будто это факт, но я никак не мог избрать правильную походку. Что выглядит более убедительно? Если я буду строить из себя парижского бульвардье, в спокойном респектабельном режиме «променад», с воображаемой тростью и сигарой? Или все же стоит подпрыгивать каждые пару шагов, как влюбленному по уши тинейджеру?

Теперь я мог в полной мере оценить преимущества изучения шпионских наук, обозначенных емким словом *spycraft*, которое JC произносил чуть ли не с придыханием. Был ли «хвост», или не было его, взоры чекистских ищеек прожигали дырки у меня в спине. По мере приближения к вокзалу моя нервная температура достигла эквивалента 38 градусов – а вдруг совейские меня опознали? Что если кто-то в римском офисе слил мои иммиграционные данные КГБ, они сравнили фотки и... да неужели команда JC действительно вмешается если что? Да кто я такой – очередной русский аферист, который уговорил црушного дурачка транжирить госсредства? Спасение совейских – дело рук самих совейских. Единственное, на что я мог рассчитывать, – это

профессиональная гордость; если со мной что-то случится в самом центре столицы США, это будет пощечина американским силовикам, независимо от того, из России я или из Непала. Непонятным образом эта мысль меня успокоила.

Я нырнул в толпу пассажиров, как в море в жаркий день, стараясь «приклеиться» к самым невинно выглядящим персонажам – учительницам и секретаршам, хотя их было не так уж много, а типам в плащах я изначально не доверял. Наконец – вот он, перрон.

В Америке я открыл для себя, что перроны действуют на меня успокаивающе. Конечно, они отличались от советских; но по крайней мере хоть что-то в этой стране носило минимальное сходство со страной, откуда я уехал, в отличие от гигантских торговых центров и drive-thru, где бургеры совали в окно машины. Но сейчас я сидел на фирменный нью-йоркский поезд Metroliner, и уверенность опять дала течку: меня обдало мощным чувством *deja vu*. И когда я небрежным шагом прошел в вагон-бар за «Будвайзером» – другого не было – *d. v.* продолжало расти.

Все это со мной уже было.

TWENTY-THREE

Много лет назад я сел на поезд из Ленинграда в Москву с тремя тыщами рублей в кармане. Сумасшедшие деньги для девятнадцатилетнего, у которого отец-счетовод зарабатывает 130 в месяц. Одна тысяча из червонцев и четвертных была зашита изнутри в заднее место штанов; одна пачка засунута в вонючие носки, небрежно брошенные поверх другой одежды в фибровом чемоданчике; и, наконец, одна прикреплена липучкой с внутренней стороны бляхи моего солдатского ремня. Все ради шести часов на поезде.

По дороге на Московский вокзал я остановился в магазине «Рабочая одежда» и инвестировал 20 рублей в телогрейку и пару кирзовых сапог.

– Портянки надо? – спросила продавщица с лицом и манерами армейского старшины.

«Где работаешь, тем и будешь», – подумал я.

Надо было бы, конечно, для комплекта. Но в «открытом» доступе у меня и было всего два червонца, и чтобы достать еще один рубль на пару портянок, мне пришлось бы удалиться в туалет, чтобы залезть в мой НЗ.

– Есть портянки, – пробормотал я. – От бати остались.

Вау. Сработало. Традиция. Старые портянки от отца к сыну. Это она всхлипнула или насморк? В Питере насморк был у всех. Ветер такой с Невы, революционно-простудный.

В телогрейке и кирзе я был натуральный зек, только что откинулся, показать вам на левой груди профиль Сталина? Нет наколки, ладно – по крайней мере славный гегемон, передовой крановщик на трудовой вахте. Главное, рот не открывать, чтобы не видели, что у меня все зубы целы.

Портянки я ненавидел всеми фибрами души. В городишке, где я вырос, с асфальтом было не густо, и весной-осенью без сапог никак. А где сапоги, там и портянки, которые я упорно не мог научиться правильно заворачивать. А покажись в носках, засмеют как маменькина сынка. Совок, чо – всегда найдется что скрыть от граждан-товарищей.

По дороге на вокзал я завернул на стройплощадку измазать сапоги для аутентичности. По привычке чуть не взял билет в купейный. В последний момент вспомнил о своей внешности и взял в общий. Расселся поудобнее, надвинул кепку и протянул ноги в грязных сапогах через проход, чтобы было виднее. Интеллигенты, проходите, вам здесь делать нечего. Ага, сходите к проводнику, попросите другое место. Проводница взглянула на меня оценивающе – *фулюганить будешь? Ментов звать?*

– Чо надо, – огрызнулся. – мамка в «Крестах» сидит, еще вопросы есть?

Покачала головой, ничего не сказала. Сердобольность русских женщин – одна из немногих констант в этой стране.

Три тысячи я конфисковал без особого труда у директора комка на Лиговке. Какое-то мутное дело с бижутерией

от одесского цеховика. Я не вдавался. *Есть, нет? Есть...*

В Москву меня должен был сопровождать местный мордovorот по имени Кузьмич. Кто доверит сопливому девятнадцатилетнему такие деньги? Но в последний момент Кузьмич не явился.

– Нет его, – сказала жена по телефону. – Как пришел домой от тебя, так и не просыхает.

Я сделал ужасную ошибку. Я поддался на уговоры Кузьмича и дал ему аванс. Теперь он был надежно в когтях Русской Болезни.

И что мне было делать, сидеть в Питере и ждать, пока мне найдут другого мордovorота? В девятнадцать лет не ждут; в девятнадцать нам море по колено. Добавим щепотку банальной жадности: мне причиталось пять сотен, и если обойтись без Кузьмича, то я прикарманил еще столик. Минус червонец, который я ему «выписал».

И вот теперь этот жадный сопливый пацан изображал из себя крутого мужика в телогрейке, замазанной кирзе и кепчонке, прикрывающей лоб с полдюжиной прыщей. Как ни тянулся я открыть «пингвиновское» издание «Красного урожая» Дэшила Хэммета, которое мне оставила тетка на Качалова, но крутые книжек не читают, а уж на английском и подавно.

Шесть часов. Пять ходок в туалет – ровно почасово, плеснуть на лицо холодной воды и успокоить нервы. Все получилось. Лиговка решила не связываться. Директор решил сми-

риться. И то правда – разве для него это деньги? За неделю-другую наверстает.

TWENTY-FOUR

На борту «Метролайнера» я «считывал» занятия пассажиров, уставившихся в свой кофе и «Вашингтон пост». Коммивояжер по парикам, преподаватель политэкономии из универа, госинспектор по жилплощади... ни одного майора Пронина.

Как мне расслабиться и в то же время оставаться начеку? Шпионов медитации учат? Так я эту дилемму и не разрешил. К счастью, до следующей остановки, «Аэропорт Балтимор-Вашингтон», ехать было всего полчаса. Действую по инструкциям JC и сотни триллеров и соскакиваю на перрон в момент закрытия дверей. Тут же завернул в станционный бар и пристроился у окошка. Вроде никто за мной не выскочил.

Я был неправ. Только я расслабился, мимо меня промелькнул мой куратор Джошуа Конкорд.

Я досчитал до двадцати и направился к выходу для персонала. На улице стоял здоровый черный мужик в комбизоне, индифферентно затягиваясь «Кэмелом». Чуть заметным кивком он указал на приоткрытую дверь во дворе. Где я и обнаружил JC, сидящего на картонке с надписью «Lysol» в окружении аналогичных картонок с моющими средствами и пустых ящичков из-под пива. Хотя в целом он выглядел весьма импозантно в «Бёрберри» песочного цвета. Рот у него

был до ушей.

– Ну-ну, – сказал он, продолжая лыбиться, – инте-е-ерье-е-есненько.

TWENTY-FIVE

– Выкладывай.

– Как ты думаешь, они меня встречают на Пенн-стейшн в Нью-Йорке?

– В этом бизнесе ты обязан предполагать, что встречаются. В идеальном варианте я предпочел бы, чтобы ты остался на поезде и доехал до Н. Й., чтобы их не смущать, но я не могу тебе там обеспечить прикрытие. Еще нет. В любом случае ты молодец, – добавил он.

Всегда нужно заканчивать на позитивной ноте.

– Так чо, на пиво я заработал?

– Абсолютно. Попробуй National Bohemian, тебе понравится.

И оно мне понравилось. Впрочем, в данный момент под мою вспышку эйфории я бы забалдел даже от воды из-под крана.

– Данная глава нашей эпопеи называется «Как одинокий агент-любитель компенсирует отсутствие spycraft и поддержки своим собственным временем и деньгами». Впрочем, длинновато, – добавил я.

Не могу избавиться от дурацкой привычки комментировать свои собственные шутки. Особенно плохие.

– \$31 в два конца?

– \$34.

– Сбереги квитанцию. Ну, давай рассказывай. *Не томы.*
Во всех деталях.

Что я ему мог рассказать? А что же случилось? А ничего не случилось. Я по уши влюблен, она колеблется, но семена доверия посажены успешно. Нет, я не проговорился, где я работаю, просто «одно агентство делает переводы по госзаказам». На данный момент я перевожу скучнейшую ерунду, горестные плачи советских эмигрантов о том, как им тяжело жилось в СССР с унижениями от рук КГБ – скучно до слез. Все одно и то же: как и где и кем они служили в армии, особенно если в отдаленных местах, типа в ракетных войсках в Сибири и в подводном флоте в Мурманске, и как им отказывали в визах из-за секретности и в подвалах ОВИРа по голове били Торой.

На долю секунды представил себе выражение лиц посольских чекистов: «Торой били? А она что, такая толстая?», «Да ладно... Показывали нам эту Тору на спецкурсе... Ну, нормальная книга, типа „Как закалялась сталь“... Вот ведь, суки продажные, так на Родину клеветать!».

Какой смысл в работе, если ни грамма кайфа.

– *Ты что, правда все это ей...*

Голова JS гудит и светится. Он еле сдерживается, ему хочется подскочить и выдать пару коленец из незнакомого балканского танца, с подпрыгиванием, и хлопанием, и покрикиванием. *Хей! Хей! Хей!*

– По-моему, время врать еще не пришло. Так и сказал,

причем без единого собственного имени или фамилии.

– И она не спросила тебя, как называется твое скучнейшее агентство и где оно находится?

– Ага, вот это прикольно: она спросила меня, как далеко моя работа от нашего места встречи и разве мне не надо вернуться на рабочее место после обеда.

О господи, и как же она заикалась и шептала, когда она задала этот вопрос. Бедная девочка, эта работа не для нее. Во-первых, она получит втык за то, что говорила слишком тихо и неразборчиво и ничего не разберешь. А мне чекисты должны премиальные: я выговаривал каждое слово громко и отчетливо. И чтобы у нее пленка не кончилась в сумочке. Как подумаешь, какие премиальные эти паршивцы получают, анализируя каждую мою паузу, каждый изгиб интонации. Я ведь так старался, так притворно колебался-запинался – говорить или не говорить то-то и то-то.

«Все в порядке, не волнуйся, – сказал я ей, – у меня сегодня библиотечный день, и я еще полдня взял за свой счет, съездить к тетке в Нью-Йорк, что-то она разболелась, в ее возрасте шейка бедра – это не хухры-мухры...»

В свою очередь я осведомился, что именно она делает в посольстве. Продолжая бормотать и пялиться на гальку под скамейкой, она поведала, что ее работа тоже была не самая увлекательная – печатать бумаги и раскладывать их по папкам в алфавитном порядке... Я не спросил, что именно она печатала и куда раскладывала; ясный перец, печатать отчеты

нелегалов ей бы не доверили. Ниже ее в служебной табели о рангах не было никого. Самое ответственное, что ей могли поручить, – печатать бухгалтерские отчеты.

– Но это тоже может оказаться полезно, – заметил JS.

– Может. Но зачем размениваться? Там есть добыча поинтереснее.

Я остановился, чтобы не сказать лишнего. На самом деле Анечкино описание ее обязанностей было не совсем правдиво. То есть, конечно же, ей было скучно, кто бы сомневался, но вряд ли ее обязанности сводились к пишмашинке и папкам. Машинисток не посылают на приемы в посольство. Их не приставляют к атташе по Икролесу, который разъезжает по Калифорниям. Для этого нужен доступ повыше. Что если я подошел к Женечкиному описанию слишком легкомысленно, и Чапайкин-старший был действительно генерал КГБ? Тогда она должна была быть как минимум референт. Как она незамужняя в посольство попала? Поэтому даже если она и говорила правду о печатании и раскладывании по папкам, это было всего лишь начало, испытательный срок, и клянусь богиней разведки Матой Хари, ее звезда просто ринется в стратосферу, как только она завербует этого глупенького америкоса, который жить без нее не может!

Но ободрять JS таким анализом было преждевременно. Как говорил наш сосед по площадке Митрич, «каждому овощу своя база».

– В любом случае, – подытожил я, – мы встречаемся

на ланч ровно через неделю. Она у меня из рук будет есть, чем не прогресс? Кстати, я упомянул ей, что (с эдакой благородной горечью, которую я изображаю мастерски) как жаль, что я не могу отвести ее в The Capital Grille, но я таких денег не зарабатываю, хотя, может, и заслуживаю большего, потому что от гребаного американского правительства справедливой компенсации хрен дождешься – слова, которые в ушах вербующего агента должны прозвучать как *We're the Champions* группы «Квин».

Вот ить, негодяй. Полковник Пронин потрет руки. Вот ить, жадный сукин сын. Как они все спешат родину продать.

– Но они ничего не попросили и не сделали предложение?

– Россия – страна деликатная, камрад, кто же на первом свидании предложение делает? Не боисс, крючок вошел плавно, будут и предложения – но они должны сделать первый шаг. А покамест, камрад...

ИС поморщился:

– Пожалуйста, не надо меня так называть.

– Учитывая обстановку, – я обвел жестом brutalный декор подсобки, – данная форма обращения более чем уместна.

«Как хочу, так и назову, – подумал я, – потому как на данный момент ты на крючке не меньше, чем полковник Пронин. Одним камнем двух агентов».

– Ладно, *проез-жали*. – ИС сказал с деланной беспечно-

стью. Он приоткрыл дверь, переглядываясь с негром на стреме. – *Засидьелися* мы тут. Все в порядке, поехали.

В аллее за буфетом нас ожидал голубой «Шевроле Малибу». «Как-то фривольно для государственного транспорта, – подумал я. – Ладно, на „Линкольн“ я еще не тяну».

– В шпионском искусстве главное есть терпение, – сказал JS поучительно. – И не забывай *пристыгнуться*.

И откуда он знал, что я обожаю, когда мне читают лекции.

– Ладно, мистер Конкорд: давай начнем работать над моей легендой, над моим скромным обиталищем. Мне же ее надо куда-то привести! Во-первых, это должно быть чисто и убрано, она не хиппи какая – на матрасе трахаться, но и скромно, чтобы оправдать мои жалобы, что денег нет. Теперь тачка. Думаю, без феррари мы обойдемся...

JS ухмыльнулся.

Движение на Парквее было не слишком густое, солнышко сияло, травка зеленела – *живем, Джошка! Живем!*

– ...любой шевви или форд сгодится. У меня нет особых предпочтений...

...да и не разбираюсь я в них, что уж там...

– ...лишь бы пыхла. Далее, новые документы – карточка Social Security, кредитные карточки, водительские права – да ты лучше моего знаешь. Далее, толковое название и адрес для моей конторы, где я перевожу эти ску-у-учные документы. Она должна быть реальной, да ты и сам знаешь, чего я напрягаюсь? В общем, за работу, Джошка. Самое главное,

не забудь отчеты, которые я буду воровать. Особенно самый первый – он должен быть один к одному.

– Какой ты профессионал, – сказал JS. – Кто бы мог *задуматься*. Почему-то ты не упомянул расходы. Которые ты будешь нуждаться. В разумных пределах.

Я откинулся на сидении и закурил. Чувствовал я себя шикарно, и сознание сделанной работы, и National Bohemian, и вкусный виргинский табачок органично сочетались и дополняли друг друга.

– Кэш, безусловно, пригодится, – сказал я. – Но давай с этим делом не спешить. Первым делом безналичность. Я ведь еще ничего не заработал.

– *Бух-галтерия* тебя *полубит*, – повторил JS.

Еще как. Не боисс, Джошка, я тебя еще выведу в дамки, и Анюту тоже, и самого себя. Мы все будем в дамках. Дай мне только завербоваться. Дай мне только выйти в советские шпионы.

Эта мысль так меня развлекла, что дым пошел не туда, и я серьезно закашлялся.

Давным-давно, будучи тинейджером в городе Лысенко, я уже хотел быть советским шпионом.

TWENTY-SIX

Видишь ли, JC...

Конечно, я не мог ему рассказать такое, он бы с ума сошел, он бы не заснул, раздираемый сомнениями на кости и хрящики, и в конце концов доложил бы об этом наверху, и старик Рэмблер испустил бы громоподобный пёр от удовольствия и свернул бы операцию.

Когда я подрастал в Союзе, то советская пропаганда преподносила современные примеры для подражания с большой ленцой. Ну да, космонавты... ядерные физики... но шпионы, в смысле разведчики, были точно на третьем месте.

Идея космонавта мне была по душе, но сколько их было? Максимум пара в год, и для такой здоровой страны, как Союз, шансы пройти конкурс были как выиграть «Волгу» в лотерею. Кроме того, было похоже, что от космонавта требовалась физическая форма, но не мозги, на что мне было трудно подписаться. И наконец, может быть, вы не заметили, но если докапываться до самой глубинки, то я окажусь человеком скромным. Идея стоять в открытой машине и ехать сквозь ревушие толпы меня не шибко привлекала. Например, что, если припрет? Останавливать кавалькаду и искать туалет? Меня всегда смущали физические неудобства.

Ученые-ядерщики были полной противоположностью

космонавтов – тише воды ниже травы, получают дома-машины, оставаясь полностью в тени. К сожалению, с физикой у меня было дело плохо. Дальше законов Ньютона дело не пошло. Электричество было от лукавого. Телевизор я мог запросто поставить на алтарь и приносить ему жертвы в виде воблы и какао.

Оставались шпионы, они же разведчики. Я не буду писать диссертацию на тему «Образ агента КГБ в советской литературе и кино», потому что законы жанра обязывают прибегнуть к симулякрам и парадигмам и прочей философообразной тягомотине. Скажем так: советский разведчик был Эйнштейном в теле олимпийского гимнаста с набором джеймс-бондовских талантов, и жизнь его была сплошным гламуром. Он шастал по Нью-Йорку и Парижу в громадной сияющей машине, срывая один план капиталистов развязать войну за другим. Он получал свои медали за дверями, закрытыми на сто замков, и устало смотрел на мир, который он спасал снова и снова, до тошноты, через линзу всезнающей, все испытывавшей мудрости. Его шрамы в интимных местах были свидетельством правды, которую знал он, но не знали ни его начальники, ни их соперники. Его женщина была гламурнее всех блондинок, и она жила и любила его такими же усталыми глазами и ждала его возвращения в полном неведении того, чем он занимается, где находится, кого трахает и когда вернется, если вернется вообще. Как и его друзья по пьедесталу – космонавты-ядерщики, – разведчик не знал, где бли-

жайший пункт сдачи посуды и во сколько выносить мусор.

Но с возрастом до меня постепенно доходило, что, помимо стальных мускулов и снайперских навыков, разведчик нуждается в идеальной партийной биографии, включая гойскую чистоту крови – или хотя бы пару звонков из очень высоких мест, – и фантазия, «как с белых яблонь дым».

Вплоть до сегодняшнего дня.

TWENTY-SEVEN

Свеженький как огурчик после утренней спортивной ходьбы и овощного коктейля из свежих моркови и сельдерея, начальник контрразведки Рэмблер разглядывал агента Конкорда с некоторым интересом. Это было примерно то, что хорошо заполняло просвет между сочным диетическим пойлом и десятью каплями «Джек Дэниэлс» в утреннем кофе.

– Итак, ваш друг предлагает, чтобы мы сочинили ему фейковую должность с полным легальным прикрытием. Умница какая, надо же.

– Я не вижу, чем мы рискуем, – пробормотал Конкорд. – Он уже почти что ее соблазнил. Возможно, я не осведомлен, но пара подложных документов и визит уборщицы на явочную квартиру – это не такая уж высокая цена для того, чтобы скомпрометировать советского дипломата.

– Мы создаем фейковую личность, апробированную ЦРУ, которая в будущем может быть использована другой стороной, – сказал Рэмблер. – Вы правы: у вас недостает опыта для таких вещей. Кроме того, скажите вашему другу, что его отказ осчастливить нас своим присутствием и пройти детектор лжи не вызывают у нас энтузиазма поддержать его начинания. Немножко паранойи – хорошо, много паранойи – плохо. К тому же у него иммиграционное досье всего на полстраницы. Случайно, не вы его интервьюировали на визу?

– Это было после меня. Леониду двадцать пять лет, откуда у него взяться биографии больше чем на полстраницы?

– Если его действительно зовут Леонид, – сказал Рэмблер. – Если ему действительно двадцать пять. Я настаиваю на датировке углеродом. Вы знаете, что все, что к нам приходит из-за «железного занавеса», – это приманка. Часть масштабнейшей операции КГБ. Сюда входит еврейская эмиграция – он же сюда прибыл по израильской визе, так? Вы что думаете, что Брежнев разрешил бы тысячам людей уехать, если бы его не подтолкнул КГБ, который спит и видит, как наводнить Америку своей агентурой? И, кстати, многие из них даже не евреи. Как называется институт, который посещал этот ваш Леонид? Одна из этих еврейских школ – *бершеба*, кажется?

Джош нахмурился. Ему действительно не пришлось в голову экзаменовать Леонида на эту тему. Особенно потому что сам-то он... ну да, на Йом-Киппур полагалось думать мрачные мысли, а на Рош ха-Шану – радостные, и еще переодеваться на Пурим и крутить дрейдл на Хануку... этим его иудаизм в основном исчерпывался. Так что экзаменатор для Леонида из него был никакой.

Рэмблер не знал пощады:

– Имейте в виду: то, что я сказал о паранойе, относится к агентам – не ко мне. Я являю из себя образец реализма, и постоянная бдительность – это непреложная часть моей работы. Я не могу быть параноидален по определению.

– Мне кажется, компромисс возможен. – Джош сказал мягко, но с твердостью. (Это трудно, кто бы спорил.)

«Интересно, где здесь золотая середина», – думал он. За своего агента нужно заступаться – тем самым ты проявляешь уверенность в качестве своей работы, – но если слишком бодаться, то создается впечатление, что он тобой манипулирует. «Ничего я в этом не понимаю», – проскочила предательская мысль.

– Вы что-то сказали? – Рэмблер сморщился, наблюдая, как Джош кусает ногти.

Попался! Джош покраснел.

– Во-первых, – пробормотал он, – Закс не просит аванс.

– Подозрительно, – кивнул Рэмблер. – Беженец без гроша в кармане? На что он вообще живет?

– Он вывез редкие марки из России.

– А, ну да. – Рэмблер что-то пометил у себя. – Вы не удосужились проверить его легенду у дилеров-филателистов, не так ли? А что там советская таможня, уже марки не проверяет? Ваш друг вот так вот взял и вывез свою коллекцию?

– Понял. – Сердце Джоша провалилось сквозь пол. – Значит, на вас нельзя рассчитывать в плане материалов, которые он мог бы передать русским? Хотя бы одну страничку фейкового досье – допрос эмигранта?

Рэмблер покачал головой:

– Сначала он должен прийти сюда лично и ответить на пару вопросов. Возможно, у меня найдется время задать их ему

лично.

«Когда-нибудь твое желание сбудется», – подумал Джош. – Как бы мне хотелось, чтобы Леонид тебя «прочитал»».

TWENTY-EIGHT

Вообще-то, я рассказал JS, как я вывез марки. Операция была непростая, похвастаться есть чем.

Во-первых, я закупал марки задолго и постепенно. Покупка целой коллекции одним махом вызывает подозрения, и продавец с посредником были бы только рады настучать в ОБХСС или напрямую чекистам. Я слишком хорошо знал нравы советского черного рынка, чтобы доверять этому народу.

Во-вторых, я посетил своего старого друга-одноклассника Олега Д., который трудится и будет трудиться до конца дней своих эмэнэсом в Международном институте рабочего движения стран Азии и Африки, и попросил у него разрешения воспользоваться институтскими формами, чтобы переслать кое-какую литературу на адрес уважаемого профессора и специалиста по монгольскому профсоюзному движению Майры Фельдман при City University of New York.

В-третьих, я приобрел очередную биографию В. И. Ленина на английском языке, «From Volga to Eternity», которая получила все призы, какие есть. Разумеется, я получил огромную скидку, поскольку все десять томов биографии собирали пыль на полках магазинов международной книги. Тем самым посылка была идеально законным средством распространить лучи передового учения в город Желтого Дья-

вола.

В-четвертых, я аккуратненько завернул марки в целлофан и приклеил их липучкой внутри переплета каждого тома. Работа была филигранная, и потел я над ней всю ночь.

Конечно же, мероприятие было рискованным.

Могли возникнуть подозрения на почте. Даже советские НИИ не каждый день отсылают в Нью-Йорк десятитомники ленинской биографии. (Степень риска – «низкая».)

Майра могла проигнорировать или не обратить внимания на мою отчаянную просьбу не вскрывать; могла начать читать и оставить хотя бы один том в метро. (Степень риска – «средняя».)

Наконец, почтовая служба, советская или американская, могла просто взять и потерять бандероль. (Степень риска – «высокая».) Куда пойдешь, кому скажешь, как говорила моя тетя Ривуся.

И все же все эти риски, вместе взятые, были несравнимы с угрозой попасться на таможне. Но моя психоипохондрия взяла свое, и я со вздохом достал красу и гордость моей коллекции, перевернутую картинку Мавзолея (СССР, 1933 г., номинал 10 р., негашеная!), которая согласно знаменитому каталогу «Yvert et Tellier» могла в зависимости от состояния пойти между \$1000 и \$1500. Я прикрепил ее нежно и с любовью в верхний правый угол обычного пожеванного конверта с моим адресом.

Представ перед сонным таможенником, я достал этот кон-

верт, вынул из него мою визу, авиабилет, квитанцию из банка и разрешенные к вывозу \$120 и протянул ему это хозяйство, небрежно бросив конверт на прилавок тыльной стороной вверх. Бинго.

Я рассказал об этом JC в общих чертах, как часть кампании по убеждению его, что я был относительно тертый овощ. Но делиться этими достижениями с Рэмблером я бы не стал. Для него это звучало слишком сказочно. По его разумению, на такие вещи способен только профессионал, причем прошедший школу spycraft под его, Рэмблера, началом.

Согласно тому, что я с него «считал», JC чувствовал себя полным дерьмом за то, что утаил мою операцию от Рэмблера. Но эти сопли были вторичны; главное, то, что у него появились секреты от своего начальства. Вот до чего довел его чертов русский – я. На данный момент JC чувствовал бóльшую близость со мной, чем с Агентством. Что было не очень хорошо. Его нужно было срочно уверить, что мы все были в одной команде.

Нет, конечно, мне его было жалко. Но не слишком. Чрезмерная жалость всегда контрпродуктивна, а это всегда плохо.

TWENTY-NINE

– Мы подделаем отчет, – объявил JC.

– Подделаем фейковый отчет? – Я едва не поперхнулся. –

Ну, братан, не знаю, что ты там куришь...

Впрочем, мой фирменный русский коктейль скептицизма и сарказма, настоящий на цинизме, испарился, как только я ступил ногой в Явочное Место, код SJ.

Stonewall Jackson Inn был модным гей-баром для поклонников Южной Конфедерации. На стенах висели копии фоток времен Гражданской войны – поголовно молоденькие мальчишки в форме конфедератов, некоторые по пояс обнаженные и перебинтованные, некоторые в весьма интригующих позах. Пили и бурбон, и белое вино, а на джук-боксе стояли пластинки и кантри, и джаз. Главное, что, как и положено гей-бару, в SJ была «задняя комната», и в три часа пополудни там было относительно тихо: только две парочки обжимались на диванах по уголкам. В свою очередь у «задней комнаты» была своя «задняя комната», где нас, безусловно, не могли ни выследить, ни потревожить.

Я немного оробел. Мои блуждания по Нью-Йорку не включали в себя задние комнаты гей-клубов. Обычная советская гомофобия. Но не будем об этом.

– Если чекисты меня выследят, разве это не заставит их усомниться в моих чувствах к Ане?

ИС хмыкнул:

– Да ладно – ты зашел *испражниться*, вот и все. Это не то же самое, когда бы если ты был регулярный клиент. Они побоятся зайти в заднюю комнату. Все русские боятся, что их изнасилуют.

Иногда спорить не стоит. Тем более что зерно в этом было – что есть советское общество как не внешняя зона, в отличие от зоны внутренней, она же собственно «зона», а на зоне «козлов» и «петухов» не жалуют.

– В общем, мы напишем свое интервью с эмигрантом, – заявил он, прям чистый Мартин Лютер с молотком-гвоздями, – и притворимся, что оно из ЦРУ. Я знаю, как писать. Я таких интервью много провел.

На самом деле он был мелкой сошкой. Если ЦРУ проявляло повышенный интерес к деталям биографии эмигранта, его отправляли на военную базу в Германии, где им занимались военные эксперты.

– Нам вовсе не обязательно передавать им какого-нибудь Боруха, который служил на ядерной подлодке, – сказал я. – Все, что надо, – это убедить их, что я в состоянии его передать.

ИС кивнул:

– Все, что нужно, – это правильный формат. Чтобы выглядело как аутентичное досье. И копия была сделана на настоящем ксероксе.

– Какой еще Ксеркс? При чем тут персы?

Он объяснил. «Да... – подумал я. – Так можно засыпаться в два счета. Но сомнения должны оставаться в тайне».

– Поезд делает ту-ту, Йоша, и отходит от перрона, – сказал я срывающимся голосом. – We're in business. Найдешь нам хорошую квартиру на несколько часов. Не сюда же ее вести.

– Отель. КГБ ожидает, что ЦРУ прослушивает твою квартиру. Не забывай, что ты подписал двадцать пять форм о неразглашении.

Я кивнул:

– Ладно... все равно есть что праздновать, JS. Нас ожидают амфоры выдержанного бургундского и команды распущенных молодых гетер. Выражаясь метафорически, – добавил я.

Все, что произнесено с акцентом, амеры воспринимают буквально.

THIRTY

«Вот ведь гады, – подумал я мрачно, уставившись на глянцево-красочное меню. – Последний цент из меня хотят вытащить, чтобы я приполз к вашим боссам за бабками».

Плач был не совсем искренним, ибо ресторан La Pizza di Troia мне пришелся по душе. Это было классное место, с чистыми линиями скандинавского интерьера и лаконичными черно-белыми фотками Гарибальди и калабрийских бандитов. Никаких картонных виноградов и акварелей Неаполитанского залива, при одном взгляде на которых хочется доесть побыстрее и отвалить, пока не началась перестрелка между Семьями. В La Pizza di Troia было не стыдно привести девушку. Цены, конечно, внушали страх и ужас в душе данного прощельги. \$10 за пиццу для одного? Sono pazzi!

– Сбереги квитанцию, – обронил JC. – Рано или поздно Агентство заплатит.

Опять за свое, проститутка с представительским бюджетом.

– А что ты, собственно, ожидал? – добавил он. – Ты же хотел пойти с ней прогуляться.

Я вынужден был согласиться. У меня не было уверенности, что ее полковник Пронин одобрит секс так скоро. С его стороны это будет не самая выгодная переговорная позиция.

Так что любой ресторан, выходящий в парк, будет доро-

гим. А этот фактически выходит на The Mall – парадный променад Вашингтона между Капитолием и Линкольн-мемориалом. Расположение – это наше все.

Как и договорились, Аня позвонила накануне. Звучала она совсем по-другому: по-деловому, и в то же время почти что расслабленно. Еще не порхающая бабочка, но уже и не ее тезка Анна К. в ожидании поезда. С девушкой поработали.

Подготовка, подготовка и еще раз подготовка, как учил нас великий Л.

Пицца. Изучив меню, я решил, что мы закажем индивидуальные пиццы и что сверху – неважно. Советские не любят делиться за столом, как это часто делают американцы; у советских мысль о поделиться напоминает жизнь в коммуналках – зачем об этом вспоминать в дорогом ресторане. Мне это тоже пригодится: в Нью-Йорке я привык есть пиццу руками; с индивидуальной пиццей на тарелке мне это в голову не придет. Аня – девочка воспитанная, ее наверняка лишали компота за локти на столе, и она ужаснется, если увидит, что я ем руками в ресторане.

Вино. Прохладная осенняя погода намекала на красное, но я закажу белое. Почему-то большинство знакомых девушек считали белое вино более дамским и легким. На самом деле есть белые вина покрепче красных – и тем самым обманчивее. После нескольких стаканов красного ты осознаешь уровень опьянения; но ты можешь высадить литр Шар-

доне, прежде чем до тебя дойдет, что все уже разошлись и какого вообще ты тут.

Я не собирался спаивать Аню, но поить русских девушек надо, иначе они скованы и легко впадают в паранойю. Фишка в дозировке: молоденькие девушки пить не умеют и легко пересекают черту между искомым весельем и битьем посуды и обвинением окружающих в предательстве. (Сравнивать с мужчинами бесполезно: русские мужики нажираются, квасят, керосинят; а у тех, кто не пьет, проблемы еще почище.)

На утро Свиданки №2 я был подозрительно спокоен. Это меня беспокоило.

«В кино бы сходить», – подумал я. Увы, Америка не Россия, сеансы в девять утра не начинались. В школе это было мое любимое время ходить в кино. Попробуешь девять утра – и тебя уже не затащишь на обычный сеанс. Твой день еще не начался, твоя голова чиста и прозрачна, ты почти всегда один в зале, ты можешь задрать ноги и сосредоточиться на фильме, и тебя не будут раздражать болтовня-чохихи-пердеж толпы. Кинокритики рождаются на сеансах в девять утра.

Я пощелкал пультом, но в это время все передачи были на тему стирки-глажки, и ни слова о вербовке КГБ. Я оделся, похлопал себя по карманам и направился в ресторан. Это было хороших минут сорок ходьбы, но я не возражал.

В этот час Джорджтаун являл собой городскую пригород-

ную идиллию. Ответственные домовладельцы отправились на свои важные посты, чтобы добросовестно встать у штурвала линкора «США». Куда ни кинь глазом, я был единственный пешеход, и я мог передвигаться спокойно и торжественно и не бояться домохозяек, жаждущих пожелать мне nice day.

За Висконсин-авеню я сбавил обороты. Времени было полно. Осень была в желто-красном разгуле, цвета испанского флага, гитары-фламенки-кастаньеты, прекрасное время предаться романтическим увлечениям, которые заслонят осеннюю тоску... Какие еще увлечения, идиот! Бизнес, только бизнес, для нас обоих. Каждая сцена должна быть отрепетирована до автоматизма, никаких «проскочим»...

Зашел к флористу. Опять тюльпаны? Черт, забыл отследить ее реакцию. Впрочем, какая там реакция? Дитё не знало, пысать ей или кричать «Караул!». А теперь я был в одном месте. Куда вообще тюльпаны делись?

– Не сезон, – сказала женщина в фартучке. – Чем-нибудь еще я вас могу заинтересовать?

«Не сезон, – подумал я. – Как-то не по-американски».

– А это что за розовая фигня?

– Mums, – сказала она. – Правда, симпатичные?

Да все они симпатичные, но что это еще за mums такие?

Звучит несерьезно.

– Стремное название, – сказал я. – Это типа маме на 8 марта?

У нее была приятная улыбка. Я никогда не видел неприятных женщин в цветочных магазинах. Даже если вам цветы пофиг, как мне, в этом есть какая-то связь. Короче, цветы красят женщину.

– Можно и маме, – сказала она. – Почему нет? Но полное название – «хризантемы».

Ну так это совсем другой колер. Японский Хризантемовый трон. Это нормально. Все японское нормально.

Не перебрал ли я с подготовкой?

– Подготовки много не бывает, – сказал JS по телефону.

Я позвонил ему из автомата через дорогу от «Ла пицца».

– Я собрал опергруппу, – добавил он. – Если тебя попытаются похитить.

– Меня не так легко похитить. – Я обнадежил его. – У меня желтый пояс в «согту», монгольском единоборстве, которое идет от Чингисхана.

Мы прошли друг мимо друга в фойе ресторана. Он был бледнее смерти. «Страхни мел с лица», – хотел я сказать.

THIRTY-ONE

О! Когда я увидел Аню на подходе, я аж встал – манеры, да, но еще и от удовольствия. Куда делась толстая макси-юбка в жирную клетку! На свалку истории полетел чопорный кардиган! На ней была та же самая алая юбка-карандаш, которую я видел на ней в «Метелице»! И шерстяной жакет, и блузка, расстегнутая на одну – нет, аж на две – пуговицы! Для приличной советской девочки это вообще был сплошной канкан! Кабаре! И волосы она распустила, хитрыми узелками – как будто только что вышла из-под душа! КГБ должны были истратить пару баксов на ее гардероб, но они были такие же жадные, как их противники... ничего, Анюта, мы им еще покажем! Льюис знает, как тебя разодеть в пух и прах!

Мгимошный курс в западных светских манерах не включал воздушные поцелуи, так что мы весьма неуклюже пожали руки, как пара президентов на саммите. «Ох и протоколы мы сегодня подпишем», – подумал я, пожимая ее лапку, чистую и гладкую, вкусно пахнущую мылом.

– Вот и я. Давно ждете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.